

А.Л.Никифоров
Знание и реальность

По-видимому, понятие «знание» является центральным понятием эпистемологии, а ее основные проблемы связаны с прояснением и уточнением этого понятия. Что такое знание? Чем знание отличается от верований и мнений? В каком отношении находится знание к внешнему миру? Как выделить знание из того потока рекламы, пропаганды, предрассудков, мифов и т.п. – потока, который ежедневно, ежечасно обрушают на нас средства массовой информации? – Эти вопросы периодически приобретают особую общественную важность. Можно вспомнить Ф.Бэкона, стремившегося противопоставить подлинное знание схоластическим спекуляциям, или логических позитивистов, поставивших перед собой цель очистить науку и философию от бессмыслицы. Недавнее образование при Президиуме РАН комиссии по борьбе с лжен наукой свидетельствует о том, что для нашей страны в настоящее время перечисленные выше вопросы вновь обрели особую актуальность.

В данной статье рассматриваются три основные проблемы: каковы отличительные особенности знания? В чем оно выражается? Каковы отношения знания к внешнему миру?

I. Современное положение

Сначала попытаемся отдать себе отчет в том, что и как сегодня говорят о знании, какие имеются подходы к определению этого понятия и какие проблемы обсуждаются в этой области.

I.1. Понятие знания в философии науки

Известно, что античные философы отличали подлинное знание, *episteme*, от мнения, *doxa*. Все мы помним слова Демокрита: «(Лишь) в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое,... в действительности же (существуют только) атомы и пустота». Средневековые мыслители проводили различие между знанием и верой: «Итак, - писал Аврелий Августин, - что я разумею, тому и верю; но не все, чему я верю, то и разумею. Все, что я разумею, то я знаю; но не все то знаю, чему верю. Я знаю, как полезно верить многому и такому, чего не знаю».¹

Сегодня мы можем говорить о трех разных областях, к которым могут относиться наши идеи и представления, - области верований, области мнений и области знаний. Чем различаются эти области? В самом первом приближении можно сказать, что область верований составляют такие идеи, которые мы принимаем без особых рассуждений, которые отвечают нашему чувству жизни, которые мы не хотим подвергать сомнению. Сюда относятся не обязательно только религиозные идеи, но и все то, во что мы верим в

---

¹ Антология мировой философии в четырех томах. Т. 1, ч. 2. М., 1069, с. 597.

нашей обыденной, повседневной жизни. Скажем, я оптимист и верю в то, что жизнь у нас в стране когда-нибудь наладится и мы мало-помалу избавимся от многих язв современности. Эту веру не могут поколебать совершающиеся ныне события и я не могу расстаться с ней: без нее мне было бы трудно жить.

В область мнений входят идеи, выражающие мое субъективное отношение к вещам и явлениям, мои личные оценки и вкусы. Я могу считать, что Зураб Церетели – великий скульптор, а Пикассо – дрянной художник. – Это мое мнение, оно выражает мой личный эстетический вкус, я его никому не навязываю и допускаю, что у других людей может быть иное мнение по этому поводу.

В области знания дело обстоит иначе. Вера, мнение носят личный, субъективный характер: *мое мнение, моя вера*. Другие могут придерживаться иных верований и мнений. Знание является достоянием многих, оно межличностно, интерсубъективно. В мире существует множество различных верований и мнений, но знание одно для всех людей, независимо от их религиозных, национальных, социальных различий. Отсюда следует, что знание должно быть представлено в такой форме, чтобы оно было доступно любому человеку. И второе: знание требует обоснования. Вера и мнение не требуют обоснования, для знания оно необходимо, ибо в отличие от веры и мнения знание претендует на общезначимость и общепризнанность. Вера опирается на чувство, мнение – на вкусы и предпочтения личности, знание опирается на обоснование. Связь знания с обоснованием находит выражение в законе достаточного основания Г.В.Лейбница. Да мы и интуитивно это чувствуем: пока речь идет о верованиях и мнениях, обоснования не нужны. Но как только встает вопрос об обосновании некоторой мысли, становится ясно: эта мысль претендует на выражение интерсубъективного знания.

Для классической эпистемологии, начиная с Декарта и Бэкона, образцовым примером подлинного чистого знания было научное знание. Именно его имели в виду, говоря о знании, Лейбниц и Кант, французские энциклопедисты, О.Конт и Д.С.Милль и многие другие. Со второй половины XIX в. оформляется в особую область исследований философия науки, которая предметом своего интереса делает научное знание и методы его получения. Благодаря усилиям блестящей плеяды мыслителей – философов и ученых: Э.Маха, А.Пуанкаре и П.Дюгема, А.Эйнштейна, Н.Бора и В.Гейзенberга, М.Шлика и Г.Рейхенбаха, А.Грюнбаума и Э.Нагеля, К.Поппера, Т.Куна и И.Лакатоса и многих других, философия науки дала ответ на вопросы о том, что такое научное знание, какими методами оно получается, как обосновывается, как оно структурировано и т.д. И если в рамках самой философии науки постоянно шли достаточно горячие споры по различным вопросам, касающимся понимания научного знания, то за ее пределами полученные ею результаты воспринимались без серьезной критики и считались, в некотором смысле, общепризнанными.

Решая так называемую «проблему демаркации», философия науки стремилась найти отличительные признаки научного знания – те его особенности, которые позволили бы отличить научное знание от верований,

предрассудков, идеологии, пропаганды и всего остального. Если попытаться в кратком виде представить те черты научного знания, с которыми более или менее согласно большинство философов науки, то можно сказать следующее.

1) Научное знание всегда (или чаще всего) выражено в языке, а именно, в описательных предложениях (в дескриптивах, как сказал бы Дж. Остин) и в системах таких предложений – в теориях. Именно в предложениях фиксируются факты науки, выражаются законы, система предложений дает целостное знание об исследуемой области явлений.

2) Знание рационально – в том простом и узком смысле, что выражающие знание предложения и системы предложений подчиняются известным законам логики. Скажем, появление противоречия в теории рассматривается как признак неблагополучия, ущербности нашего знания.

3) Предложения и теории, претендующие на статус знания, должны быть обоснованы – эмпирически или логически, индуктивно или дедуктивно. Эмпирическое обоснование достигается в результате наблюдения или эксперимента, логическое обоснование получают с помощью доказательства. Утверждения и концепции, не имеющие обоснования, не считаются знанием.

4) Знание интерсубъективно и общезначимо: каждый человек может его усвоить и каждый, понявший предложение и способ его обоснования, вынужден с ним согласиться. Поэтому знание преподают в школах и университетах. Поэтому наука интернациональна.

Все перечисленные характеристики мы можем суммировать в следующем определении: **знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, интерсубъективным предложением или системой таких предложений.** Конечно, в этой формулировке есть некоторое упрощение: знание может быть выражено математическим уравнением, графиком, таблицей и т.п., но обычно все это можно переформулировать с помощью предложений.

Кажется, многие философы науки на этом и останавливаются. Перечисленных особенностей вполне достаточно, чтобы отличить знание от мнения и веры. Логические позитивисты, К.Поппер в начальный период своего творчества, Э.Нагель, Т.Кун, И.Лакатос и многие другие мыслители анализировали способы получения, проверки и обоснования знания, его структуру и функции его отдельных элементов, понятия подтверждения и опровержения, объяснения и предсказания, ограничиваясь приведенным выше пониманием. Однако, как мне представляется, философская теория познания рассматривает знание с более широкой точки зрения и ставит вопрос, выходящий за рамки философии науки, - вопрос об отношении знания к чему-то внешнему по отношению к нему – к внешнему миру или к деятельности человека. Гносеологическая оценка знания в его отношении к внешнему миру (или к своему предмету) выражается фундаментальным понятием *истины*. Поэтому к перечисленным характеристикам знания мы должны добавить еще одну.

5) Предложения, теории, концепции, претендующие на выражение знания, допускают истинностную оценку, т.е. могут оцениваться как

истинные или ложные. Знание выражается только истинными предложениями.

Это принципиально важный момент. Когда мы говорим о структуре знания, о его проверке, подтверждении или опровержении и т.п., мы все еще остаемся в плоскости идей и чувственных восприятий, в области, так сказать, «внутренних» вопросов языковой системы, как сказал бы Р.Карнап. Оценивая же идеи как истинные или ложные, мы уже выходим за границы чувственного восприятия и языка и говорим об отношении наших идей к внешнему миру или к нашей деятельности в этом мире, т.е. решаем уже «внешний» вопрос. Понятия знания и истины теснейшим образом взаимосвязаны: знание – это то, что оценивается как истина; истина – это необходимый атрибут знания. Поэтому вопрос об истине – это вопрос о природе знания: дает ли знание картину окружающего нас мира или служит лишь полезным средством успешной деятельности? Классическая концепция истины приводит к реализму в понимании знания; прагматистская концепция истины выражается в инструменталистском истолковании знания. Во всяком случае, кажется бессмысленным говорить о знании, не соотнося его с внешним миром, т.е. не используя понятий истины и лжи. Тогда лишается смысла его отличие от веры и мнения, от фантазий и иллюзий. В самом деле, зачем мне проверяемость, обоснованность, подтверждаемость и т.п. – сами по себе? Одна идея проверена и обоснована, другая – непроверяема, третья – опровергнута – ну, и что из этого? Все эти различия получают смысл лишь в том случае, когда проверенная и обоснованная идея вдобавок еще считается истинной. Тогда она обретает свойство, которого лишены все остальные идеи. Таким образом, знание – это то, что может оцениваться как истина. К мнениям и верованиям истинностная оценка неприменима.

I.2. Субъективистский подход

Кажется, до недавних пор в дискуссиях и публикациях по проблемам эпистемологии все мы, пусть с некоторыми оговорками, понимали слово «знание» в указанном выше смысле. Когда кто-то произносил: «Знание есть обоснованное истинное *мнение*», это не вызывало недоразумений или возражений, потому что само собой подразумевалось, что мнение выражается в предложении и это можно истолковать так: «Знание есть обоснованное истинное *предложение*». И лишь сравнительно недавно стало выясняться, что за этими разговорами о «мнении» стоит совершенно иное понимание знания – то понимание, которое вот уже более трех десятилетий развивается в англо-американской философии и ныне нашло у нас множество сторонников и последователей.

В 1963 г. некий американский философ Эдмунд Геттиер опубликовал статью под названием «Является ли знанием обоснованное истинное убеждение».² С момента ее появления прошло уже 45 лет, но до сих пор эта

---

² Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? – Analysis, vol. 23, 1963. Слово «belief», использованное в названии, может быть переведено как «убеждение», как «вера» и даже как «мнение».

маленькая статья (3 стр.) упоминается почти во всех публикациях, посвященных истолкованию понятия знания.³ Что же в ней такого привлекательного и важного? Придется взглянуть на нее повнимательнее, ибо до сих пор многие отечественные философы упоминают ее с большим питетом.

Геттиер утверждает, что определение «знания» как «истинного обоснованного убеждения (веры, мнения)» широко распространено и является чуть ли не традиционным. (И это утверждалось в тот период, когда только что появились две блестящие работы – книга Т. Куна «Структура научных революций» и книга К.Поппера «Предположения и опровержения», ставшие предметом обсуждения эпистемологов и философов науки на протяжении почти двух десятков лет). Для подтверждения этого он ссылается на Платона, Р. Чизома и А. Айера. К сожалению, цитат он не приводит, поэтому остается сомнительным, придерживались ли названные авторы указанного определения.

Основной тезис статьи Геттиера прост. Он стремится показать, что человек может иметь истинное обоснованное убеждение и в то же время не иметь знания.

Сначала он конструирует следующее определение «знания»:

«(a) S knows that P IFF (i.e., if and only if)
(i) P is true,
(ii) S believes that P, and
(iii) S is justified in believing that P». ⁴

Перевод:

«(a) S знает, что P, тогда и только тогда, когда
(1) P истинно,
(2) S убежден, что P, и
(3) S имеет основания для убеждения в том, что P».

Здесь сразу же возникают два вопроса. Во-первых, нетрудно заметить, что речь идет не о понятии «знание», а о глаголе «знать» - о необходимых и достаточных условиях его использования. Но ведь гносеологическая категория «знание» и разнообразные употребления слова «знатъ» - разные вещи! Во-вторых, условия (2) и (3) говорят о субъективных установках S, а условие (1) имеет совершенно иную природу – оно говорит о некоем объективном (или интерсубъективном) факте. Известен ли этот факт субъекту S? – Если известен, тогда условие (3) – лишнее: если мне известно, что P истинно, мне не нужны никакие другие основания для убеждения в том, что P. Если же этот факт S неизвестен, тогда определение фразы «S

³ См., например, статью В.П. Филатова «Знание». – Эпистемология и философия науки, 2004, т. 1, № 1; статью Е.В.Востриковой «Может ли знание обосновываться внешними факторами?». – Логос, № 2, 2009. А.Ю. Антоновский по этому поводу пишет: «Крошечная двухстраничная статья Эдмунда Гетьера... разрушила ряд базовых и интуитивно понятных представлений о знании». – О различии истины и знания (или о том, где в знании коренится социальность). – Понятие истины в социогуманитарном познании. М., ИФ РАН, 2008, с.81. См. также мою статью «Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы». – Эпистемология и философия науки, № 4, 2009.

⁴ Даю по-английски во избежание недоразумений, связанных с переводом.

знает, что P» сводится к условиям (2) и (3): S знает, что P, тогда и только тогда, когда S убежден, что P, и у него есть основания для такого убеждения. Но его обоснованная убежденность станет его знанием только в том случае, когда P истинно, т.е. является знанием. Иначе говоря, обоснованное убеждение является знанием только тогда, когда относится к знанию. Таким образом, определение Геттиера сводится к следующей тривиальности: S знает, что P, тогда и только тогда, когда P является знанием, S убежден в P и S имеет основания для своей убежденности. Хотелось бы сделать бессодержательность конструкции Геттиера как можно более ясной: субъект знает P, если P является знанием; если же P не является знанием, то субъект не знает P, хотя и может иметь самые веские основания верить в P.

Геттиер считает, что с этим определением согласились бы и Айер, и Чизом. Это сомнительно, тем более, что он реконструирует их воззрения, не приводя точных цитат. Далее с помощью двух искусственно сконструированных примеров Геттиер показывает, что правая часть этой эквивалентности может быть истинна в силу истинности всех членов конъюнкции, тем не менее, левая часть может оказаться ложной, т.е. S не знает, что P. Следовательно, данная эквивалентность неверна, т.е. знание нельзя отождествлять с истинным обоснованным убеждением.

Правда, прежде чем приступить к их изложению, он делает две оговорки: 1) у человека могут быть основания верить в ложное суждение; 2) если S имеет основания верить, что P, и из P следует Q, то S имеет основания верить, что Q.

Пример 1.

Смит и Джонс претендуют на получение некоторой работы. У Смита есть основания верить в следующую конъюнкцию:

(К) Джонс получит работу и Джонс имеет в кармане 10 монет.

Какие это основания? – Президент кампании сказал Смиту, что решено на работу принять Джонса. – Это дает ему основание верить в первый член конъюнкции. Он сам 10 минут назад пересчитал монеты в кармане Джонса и обнаружил 10 монет. – Это дает ему основание верить во второй член конъюнкции.

Из этой конъюнкции как будто бы следует:

(С) Работу получит человек, у которого в кармане 10 монет.

Поскольку Смит имеет основания верить в **(К)**, он имеет те же основания верить в **(С)**. (Сразу же стоит заметить, что **С** не следует из **К**; из **К** следовало бы такое предложение: работу получит человек, которого зовут Джонс и который имеет в кармане 10 монет).

Теперь, говорит Геттиер, вообразим, что работу на самом деле получил сам Смит и у него в кармане тоже лежит 10 монет, хотя это ему неизвестно. Тогда получается: **(С)** истинно; Смит верит, что **(С)** истинно; Смит имеет основания верить в то, что **(С)** истинно. Но, несмотря на это, нельзя сказать, будто Смит *знает*, что **(С)** истинно, ибо оно оказалось истинным случайно и неизвестно для него. Следовательно, сконструированное определение «знания» опровергнуто.

- Это рассуждение элементарно ошибочно. Первый член конъюнкции (**K**) – высказывание о будущем событии, сегодня его еще нельзя считать истинным, можно лишь предполагать, что оно когда-то станет истинным. Однако Геттиер неявно считает его истинным, когда использует для вывода следствия, которое тоже объявляет истинным. Но ведь это подтасовка: когда мы делаем логический вывод, мы считаем наши посылки истинными, а здесь очевидно одна из посылок не является истинной, ее истинностное значение нам неизвестно, вывод сделать нельзя. У Смита нет оснований верить в истинность (**C**). А Геттиер внушает нам, что такие основания есть. Даже если такие основания были, они исчезли, когда работу получил Смит, ибо высказывание «Джонс получит работу» из неопределенного стало ложным. Если осознать, что у Смита нет оснований верить в (**C**), то становится понятным, почему он не знает, что (**C**). – Пример некорректен, ибо из неопределенного, а затем ставшего ложным высказывания выводится следствие, которое объявляется истинным.

Смехотворность рассуждений Геттиера становится вполне очевидной, если мы, сохранив структуру его аргумента, слегка изменим его содержание.

Допустим, у Смита есть основания верить в истинность конъюнкции:

(**K**) Джонс получит работу и Джонс пьян.

(Он видит, что Джонс едва держится на ногах).

Из этой конъюнкции он делает вывод:

(**C**) Работу получит человек, который пьян.

Верить в (**C**) у Смита столько же оснований, как и верить в (**K**).

Вообразим теперь, скажем мы вслед за Геттиером, что работу, как и было решено, дали Джонсу, но он успел проспаться и пропривел. Тогда оказывается: (**C**) ложно (Джонс-то трезв); Смит верит, что (**C**) истинно; у Смита есть основания верить, что (**C**) истинно. Ясно, что поскольку первое условие нарушено, Смит *не знает*, что (**C**). Однако не все потеряно: он может поднести Джонсу стакан виски, чтобы Джонс опять сделался пьян, и условие «(**C**) истинно» оказалось выполненным. И тогда можно будет сказать: Смит *знает*, что (**C**)! Хорош аргумент, который с помощью стакана виски незнание превращает в знание!

Пример 2.

У Смита есть основания верить в то, что его друг Джонс владеет автомобилем марки «Форд» (за все время их знакомства Джонс постоянно ездил на «Форде», подвозил неоднократно Смита и т.п.)

Таким образом, у Смита есть основания верить в истинность предложения

(**A**) Джонс владелец «Форда».

У Смита есть еще один друг Браун, который неизвестно где находится. Смит может сформулировать следующие высказывания:

(**B**) Джонс владелец «Форда», либо Браун в Бостоне.

(**C**) Джонс владелец «Форда», либо Браун в Барселоне.

(**D**) Джонс владелец «Форда», либо Браун в Брест-Литовске.

Геттиер полагает, что **(Б)**, **(В)** и **(Г)** следуют из **(А)** и Смит может логически вывести их из своего первого предложения. Таким образом, если у Смита есть основания верить в **(А)**, то у него есть такие же основания верить в **Б**, **В**, **Г**.

Но теперь вообразим, говорит Геттиер, что у Джонса нет «Форда» и **(А)** ложно. В то же время совершенно случайно и неизвестно для Смита его друг Браун находится в Барселоне, т.е. **(В)** истинно. Тогда получается: **(Б)** истинно; Смит верит, что **(В)** истинно; Смит имеет основания верить, что **(В)** истинно. Однако нельзя сказать, будто Смит *знает*, что **(В)**, ибо оно лишь случайно и неизвестно для него истинно. Опять определение «*знает*, что» опровергнуто!

- Ну, это уже пример элементарной логической. Когда мы говорим, что из высказывания «*а*» следует дизъюнкция «*а или б*», каким бы ни было «*б*», то мы отношение логического следования или выводимости отождествляем с материальной импликацией. Но кому же неизвестно, что этого нельзя делать?

- Геттиеру, по-видимому. И, конечно, о парадоксах материальной импликации он не слышал. Он полагает, что когда материальная импликация «Если $2 + 2 = 5$, то снег бел» истинна (в силу ложности антецедента), то из предложения « $2 + 2 = 5$ » можно логически вывести предложение «Снег бел». Вот бы попробовал! Но еще забавнее здесь другое: используя союз «either..., or», Геттиер говорит здесь о строгой дизъюнкции «либо..., либо», а строгая дизъюнкция не следует из ее членов даже в смысле материальной импликации. Нестрогая – следует, а строгая – нет. Поэтому из **(А)** не следует **(В)** даже в смысле материальной импликации. В любом случае, если **(А)** ложно, то мы скажем, что Смит сделал ошибочный вывод, поэтому заключение, которое подсовывает нам Геттиер, неверно. Вообразив, что у Джонса нет «Форда», Геттиер сразу же уничтожил основание веры Смита в **(В)**.

Таким образом, можно констатировать, что вся статья Геттиера основана на безграмотности, подтасовках и демагогических уловках, которые в теории аргументации характеризуются как софизмы. Тем не менее, она привлекла и до сих пор привлекает к себе широкое внимание.⁵ Почему?

Возможно, потому, что в ней отчетливо проявился «сдвиг проблемы»: обсуждение знания как чего-то интерсубъективного и общезначимого эта статья перевела в разговор о психическом индивидуальном состоянии «знать», «быть уверенным», «сомневаться» и т.п. или о разнообразных смыслах слова «знать», т.е. в разговор о словоупотреблении. Вот когда в этой области произошел пресловутый «лингвистический поворот» - когда анализ понятия «знание» был заменен анализом языкового выражения «знать, что», когда вместо обсуждения и решения философских проблем познания стали обсуждать психо-лингвистические проблемы, связанные с употреблением языковых выражений.

⁵ См., например, статью Г.Ольховикова «Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры», Логос, № 2, 2009, в которой автор уточняет понятие обоснования и стремится улучшить определение Геттиера.

Можно сказать, что с точки зрения логики это был переход от логики высказываний к логике так называемых «пропозициональных установок» (*propositional attitudes*) – выражений типа «S знает, что P», «S сомневается, что P», «S уверен, что P» и т.п. Если логика высказываний анализировала логические связи между самими суждениями P, Q и т.д., то логика пропозициональных установок анализирует установки «знает», «верит» и отношения между ними. Знание в философском смысле выражается в суждениях, а сами установки выражают не знание, а лишь отношение субъекта к знанию. Может быть, в каком-то смысле интересно рассмотреть вопрос о том, что означает слово «знает» в обороте «S знает, что P», но к пониманию того, что такое «знание», этот вопрос не имеет прямого отношения.⁶

Тем не менее, следует признать, что в субъективистском подходе, получившим широкое распространение в англо-американской аналитической философии, содержится одна важная мысль, от которой нельзя просто отмахнуться. Философия науки рассматривала знание как нечто независимое от субъекта, как существующее само по себе, как некий «третий мир», по выражению Поппера. Но ведь без конкретного субъекта, владеющего знанием, использующего его, знание мертвое и едва ли даже существует. Знание обретает жизнь только в сознании конкретного индивида, поэтому важен анализ того, что значит «знать» для конкретного человека. Критикуя субъективистское истолкование знания, Поппер предлагает рассмотреть два мысленных эксперимента: 1) разрушены машины и уничтожены субъективные знания о машинах, однако сохранились библиотеки; 2) уничтожены также и библиотеки. Поппер полагает, что в первом случае наша цивилизация была бы быстро восстановлена, ибо сохранилось «объективное знание». Во втором случае человечество надолго было бы отброшено в эпоху варварства.⁷ Возможно, это и верно, но в дополнение к библиотекам должны сохраниться конкретные люди, способные понять технические тексты и сохранившие умение изготовить то или иное техническое устройство. Без таких людей любая библиотека останется лишь собранием испачканной бумаги. И в этом представители субъективистского подхода совершенно правы.

I.3. Подходы и проблемы

Итак, рассмотрение сложившегося ныне положения с истолкованием понятия «знание» позволяет сказать следующее.

Философия науки видит образец знания в интерсубъективном обоснованном истинном предложении и в системах таких предложений. Она стремится отличить знание от верований и мнений. Конечно, сферы знания, мнения и веры не разделены китайскими стенами, они проникают друг в

⁶ Возможно, это слишком сильное утверждение. - «Я знаю, как доказывается эта теорема», «Я знаю, почему лужи во дворе сегодня ночью замерзли», «Я знаю английский язык» - в этих фразах слово «знаю» употребляется, очевидно, в разных смыслах. Отсюда можно было бы совершить переход к различию и анализу разных типов знания. Но совершают ли кто-либо такой переход?

⁷ См.: Поппер К.Р. Объективное знание, гл. 3 «Эпистемология без познающего субъекта». – Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., Прогресс, 1983, с. 441.

друга. Мнение далеко не всегда выражает вкусы и предпочтения индивида, порой мнение опирается на предшествующий опыт и приближается к знанию. Тем не менее, философия науки настаивает на проведении демаркационной линии между знанием и всеми иными комплексами идей.

То истолкование знания, к которому приходит философия науки, сталкивается с многочисленными серьезными проблемами. Одна из них связана с понятием истины и, вообще, с пониманием природы знания. Каков смысл понятия истины? Дает ли знание адекватную картину реальности или представляет собой лишь полезный инструмент деятельности? Обладали ли знаниями предшествующие поколения людей? Можно ли говорить о знании в сфере гуманитарных наук? Эти вопросы до сих пор вызывают расхождения и споры.

Для нас в дальнейшем будут важны два вопроса. Если знание выражается предложением, то какова роль терминов, входящих в предложение? И второе. Знание чаще всего рассматривается либо как описание реальности, либо как инструмент деятельности. Обе точки зрения сталкиваются с трудностями. Нельзя ли их преодолеть?

Субъективистское понимание знания тоже, как мы видели, обращается к анализу языка – к анализу выражения «S знает, что P». Этот подход обращает внимание на реальное существование знания в головах конкретных людей и ставит реальную проблему: каким образом безличное интерсубъективное знание становится достоянием живых эмпирических субъектов? Однако попытка исследовать знание как некое ментальное состояние субъекта до сих пор, кажется, не породила ничего, кроме нескольких холастических аргументов и рассуждений.

Наконец, существует еще один подход к истолкованию знания, который опирается на исследования антропологов, этнографов, культурологов. В нашей стране этот подход вот уже 20 лет развивает и пропагандирует И.Т.Касавин, который в своих работах показывает, что знание существует и за пределами науки – в обыденной жизни, в обрядах и ритуалах, в мифах, в ремеслах и обычаях.⁸ С его точки зрения, понимание знания философией науки является чрезмерно узким, оно далеко не охватывает всех видов знания, которыми руководствуются люди в своей повседневной жизни и деятельности. И с этим, конечно, нельзя не согласиться.

Ниже мы попробуем ответить хотя бы на некоторые из перечисленных вопросов и учесть то важное и верное, которое содержится в каждом из указанных подходов. И начнем мы с рассмотрения языка, ибо все три подхода так или иначе связывают знание с языком.

II. Знание и язык

Здесь мы обращаемся к некоторым идеям логической семантики. Основная мысль данного раздела проста: логическая семантика исследовала,

⁸ См.: Заблуждающийся разум. Многообразие вненаучного знания. Отв. ред. и сост. И.Т.Касавин. М., 1990; Касавин И.Т. Традции и интерпретации. М., 2000; Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.

главным образом, обозначающую функцию языка, но язык не только обозначает, он еще хранит и передает информацию. И как раз смысл языковых выражений, которым пренебрегала логическая семантика, воплощает наши знания об окружающем мире.

II.1. Понятие смысла в логической семантике

Не будет большим преувеличением сказать, что развитие логической семантики в XX столетии в значительной мере опиралось на идеи Готтлоба Фреге. Именно он сформулировал семантическую концепцию, которую затем критиковали, уточняли и улучшали Б.Рассел и Л.Витгенштейн, А.Тарский и Р.Карнап, А.Черч, У.Куайн и многие другие логики и философы. Поэтому важно представить основные черты и особенности подхода Фреге к анализу языковых выражений.

Как известно, субъектно-предикатную структуру простого предложения традиционной логики Фреге представляет в виде аргумента и функции: «Я исхожу из того, что в математике называется функцией».⁹ Рассматривая различные функциональные выражения типа « $x + 1$ », « $2 : x^3 + x$ », Фреге говорит о том, что функция – это то, что сохраняется в выражении после вычета переменной « x », вместо которой можно оставить просто пустое место: « $( ) + 1$ », « $2 : ( )^3 + ( )$ ». Такая форма представления показывает, что «функцию саму по себе можно назвать незавершенной, нуждающейся в восполнении или ненасыщенной. Этим функции коренным образом отличаются от числа».¹⁰ После того, как пустые места в выражении функции заполняются аргументами, функция получает определенное значение. В качестве аргументов арифметических функций выступают числа, и значением функционального выражения является либо число, либо то, что Фреге называет «пробегом значений функции», т.е. некоторое множество (ряд) чисел.

Фреге расширяет представление о функциях, выходя за пределы арифметики, и понятие, в котором традиционная логика видела форму мысли, также рассматривает как некоторую функцию, т.е. как ненасыщенное выражение. Например, понятия «город», «лошадь», «человек» он представляет в виде: «город (x)», «лошадь (x)», «человек (x)». При подстановке на место переменной « x » имен каких-то предметов (аналогично именам чисел) мы получаем предложение: «Берлин есть город», «Пегас есть лошадь», «Монблан есть человек». Всякое предложение, полагает Фреге, истинно или ложно, поэтому понятие это такая функция, которая при заполнении пустых мест аргументами превращается в истину или ложь: «понятие есть функция, значение которой есть всегда какое-то истинностное значение».¹¹ В арифметических функциях в качестве аргументов и значений выступали числа. Когда речь идет о понятиях, аргументами и значениями становятся предметы. Что же такое предмет?

⁹ Функция и понятие. – Фреге Готтлоб. Логика и логическая семантика. М., 2000, с. 215.

¹⁰ Там же, с. 217.

¹¹ Там же, с. 222.

«Когда мы подобным образом без каких-либо ограничений допускаем предметы в качестве аргументов и значений функций, сразу возникает вопрос, что же мы называем предметом. Дефиницию школьного образца я считаю здесь невозможной, так как тут мы имеем дело с тем, что в силу своей простоты не допускает логического анализа. Возможно лишь указать, что имеется в виду. А здесь можно только кратко сказать: предметом является все то, что не есть функция и, стало быть, выражение, которое его означает, не предполагает никаких пустых мест.

Утвердительно-повествовательное предложение не содержит пустых мест, и поэтому на его значение надлежит смотреть как на предмет. Но это значение есть истинностное значение. Стало быть, оба истинностных значения суть предметы».¹² Иначе говоря, предмет есть то, что обозначается выражением, не содержащим пустых мест. Здесь следует обратить внимание на то, что понятие и предмет Фреге определяет, исходя из вида их языкового представления: понятие есть то, что обозначается функциональным выражением, содержащим пустые места; предмет есть то, что обозначается выражением, не содержащим пустых мест. После заполнения пустых мест именами предметов понятие превращается в предложение.

Поскольку о предметах Фреге говорить не хочет, то и имя предмета ничего не говорит о нем, оно прикрепляется к предмету просто как ярлык, как метка, как знак, заместитель предмета. Такие имена Фреге называет «собственными именами». Это, прежде всего, те языковые выражения, которые и в естественном языке употребляются в качестве собственных имен – «Цезарь», «Сократ», «Луна» и т.п. Но к числу собственных имен Фреге относит и выражения иного рода, если они обозначают единственный предмет – «покоритель Галлии», «учитель Платона», «естественный спутник Земли» и т.п. – «...Под «знаком» и «именем», - писал он, - я понимаю любое обозначение, представляющее собою собственное имя, чьим значением, стало быть, является определенный предмет (в самом широком смысле этого слова), но не понятие и не отношение... Обозначение единичного предмета может также состоять из нескольких слов или других знаков. Пусть каждое такое обозначение для краткости носит название собственного имени».¹³ Заметим, что выражения «Аристотель», «ученик Платона», «учитель Александра Македонского» - все, с точки зрения Фреге, будут собственными именами.

Традиционная логика говорила о понятии как о форме мысли, имеющей объем и содержание. Объем понятия – предмет или совокупность предметов, подпадающих под данное понятие, содержание понятия – совокупность существенных признаков тех предметов, которые входят в его объем. Теперь слова и словосочетания, выражающие понятия, Фреге разделяет на две

¹² Там же, с. 223. – Интересно обратить внимание на то, что если истина и ложь есть некие предметы, то слово «Истина» следует писать с большой буквы – как собственное имя конкретного предмета. Истина у Фреге не является свойством предложений, не является предикатом и, вообще, характеристикой знания. Это не гносеологическое и даже не семантическое, а, скорее, онтологическое понятие.

¹³ О смысле и значении. – Там же, с. 231.

группы – имена собственные и выражения функций. «Аристотель» и «ученик Платона» - это имена, а «философ» и «ученик» - это обозначения функций. Первые выражения не содержат пустых мест, а вторые следует писать так: «философ (x)», «ученик (x)».

Каждое имя – обозначение ли предмета, функция или предложение – по аналогии с объемом и содержанием традиционной логики - имеет, согласно Фреге, смысл и значение. Смыслом предложения является выражаемая им мысль, его значением является истина или ложь; смыслом функционального выражения является функция, его значением будет предмет или совокупность предметов. Значением собственного имени является обозначаемый им предмет. Но что является смыслом собственного имени?

Кажется, что собственные имена у Фреге не должны иметь никакого смысла. Знаки чисел «3», «7», «10» непосредственно обозначают соответствующие числа 3, 7, 10 и никакой смысл им не нужен для этого обозначения. Но точно так же собственные имена «Луна», «Платон», «Венера» (планета) прямо относятся к обозначаемым объектам и никакого смысла в них нет. Когда я кому-то даю имя, скажем, «Петр», то с этим именем я не связываю никакого смысла, это – просто знак, позволяющий мне говорить о данном объекте и отличать его от иных объектов. Тем не менее, Фреге все-таки говорит о смысле собственных имен.

К этому его вынуждает рассмотрение утверждений о тождестве. Возьмем три разных выражения: «Венера» (планета), «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда». Все они обозначают один и тот же объект – планету Венера, т.е. являются собственными именами. Но почему, спрашивает Фреге, утверждение «Утренняя звезда есть Утренняя звезда» тривиально и не несет никакой информации, а утверждение «Утренняя звезда есть Вечерняя звезда» сообщает о важном астрономическом факте и является результатом эмпирического открытия? – Потому, отвечает он, что хотя выражения «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» обозначают один и тот же объект, они обладают разным смыслом: «Напрашивается мысль связать с каждым знаком (именем, словесным оборотом, письменным знаком), помимо обозначаемого – его мы будем называть значением знака, - также и то, что я назвал бы смыслом знака и в чем выражается *конкретный способ задания обозначаемого...* Выражения «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» имеют одно и то же значение, но отнюдь не одинаковый смысл» (курсив мой – А.Н.).¹⁴

Заметим, что под смыслом некоторого имени Фреге понимает «конкретный способ задания обозначаемого» им предмета. Встречая имя, мы понимаем его смысл и узнаем, какой объект обозначает это имя. Разные имена одного и того же объекта по-разному указывают на него или, как говорит Фреге, «освещают» его с разных сторон.

Итак, смыслом имени является конкретный способ указания на обозначаемый им объект; смыслом предложения – выражаемая им мысль;

---

¹⁴ О смысле и значении. – Там же, с. 231.

смыслом функционального выражения (понятия) – незаконченная, «ненасыщенная» мысль.

Для нас в данном случае существенно то, что самой важной функцией языковых выражений для Фреге является функция обозначения – имена, функциональные выражения, предложения что-то обозначают и, поэтому, являются именами. Понятие смысла, вообще говоря, ему нужно только для предложений и функциональных выражений, а для собственных имен он вводит его только для того, чтобы как-то объяснить наличие нескольких имен у одного объекта. Смыслом предложения является мысль, его значением – истина или ложь. Все истинные предложения являются именами одного предмета – истины. Для предложений смысл важен: разные мысли, выражаемые ими, по-разному указывают на один и тот же объект – истину. Смысл важен и для функциональных выражений: разные функции по-разному могут указывать на один и тот же объект, например, « $2x$ » и « $x + x$ » имеют один и тот же «пробег значений», но отличаются по смыслу или по способу задания этих значений. Тем не менее, Фреге настойчиво подчеркивает, что сами по себе мысли и функции не важны, их роль сводится только к указанию на объект, на значение. – «Мысль теряет для нас ценность, – пишет он, – как только мы узнаем, что у какой-либо из ее частей отсутствует значение. Таким образом мы имеем, пожалуй, полное право не удовлетворяться смыслом предложения, но ставить также вопрос о его значении... Почему мысль не удовлетворяет нас? Потому и постольку, почему и поскольку для нас важно истинностное значение мысли... Итак, стремление к истине – вот что всегда побуждает нас к переходу от смысла к значению».¹⁵ И в другом месте: «для логики важен не смысл, а значение слов».¹⁶

Следует заметить также, что существование предметов, предметной области Фреге просто постулирует. Предметы даны, как даны натуральные числа, они есть, мы просто присваиваем им имена. Но с философской точки зрения это допущение способно вызывать сомнения. И Фреге это чувствует: «Со стороны идеалистов или скептиков, – замечает он мимоходом, – наши рассуждения, вероятно, уже давно встретили такого рода возражение: «Ты говоришь здесь без дальнейших окличностей о Луне как некотором предмете; но откуда ты знаешь, что имя «Луна» вообще имеет значение, откуда ты знаешь, что вообще что-либо имеет значение?». На это я отвечаю: наша задача состоит не в том, чтобы сказать нечто о нашем представлении о Луне; и мы не довольствуемся смыслом, когда говорим «Луна», – мы предполагаем значение... Мы, конечно, можем заблуждаться в нашем предположении, и такие ошибки встречаются. Но вопрос о том, не ошибаемся ли мы всегда в этом предположении, может быть оставлен здесь без ответа; достаточно указать на намерение, которое руководило нами во время речи или мышления, чтобы иметь право говорить о значении знака,

---

¹⁵ О смысле и значении. Там же, с. 234 – 235.

¹⁶ Размышления о смысле и значении. Там же, с. 250-251.

хотя и с оговоркой: если таковое имеется».¹⁷ Таким образом, вопрос о том, что представляют собой предметы, существуют ли они, Фреге не обсуждает.

Понятие смысла тоже остается у него в значительной мере неясным. Смысл знака – это способ указания на обозначаемый знаком предмет. Но что это за способ, откуда он берется? Зависит ли он от предмета или является чистым изобретением субъекта? Поскольку Фреге ничего не говорит о предметах, постольку вряд ли можно что-то сказать о связи предмета со смыслом обозначающего его имени. Однако какие-то намеки на эту связь у Фреге есть: «Значение собственного имени – это сам предмет, обозначенный этим именем; представление, которое при этом у нас возникает, вполне субъективно; между значением и представлением можно поместить смысл, который, в отличие от представления, хотя и не является субъективным, все же не есть сам предмет. Быть может, следующее сравнение поможет сделать более ясными эти отношения. Предположим, некто смотрит на Луну в телескоп. Саму Луну можно сравнить со значением; она является предметом наблюдения, которое опосредовано реальным образом, возникающим внутри телескопа благодаря преломлению лучей в объективе, а также образом, возникающим на сетчатке глаза наблюдателя. Первый я сравниваю со смыслом, второй с представлением или восприятием».¹⁸ – Это рассуждение показывает, кажется, что смысл определяется предметом: ясно, что образ внутри телескопа зависит от особенностей рассматриваемого предмета, в данном случае – от особенностей Луны. Однако эту мысль Фреге не развивает, да и не мог бы развить. Для того чтобы говорить о связи смысла и предмета, ему нужно было бы сказать, что собой представляют предметы, а об этом, как мы видели, он говорить не хочет.

Наконец, хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Во-первых, Фреге приписывает смысл собственным именам типа «Венера», «Платон», «Луна» и т.п. Однако вполне допустимо предполагать, что в его концепции они никаким смыслом обладать не могут. Если смысл – это способ указания на предмет, обозначаемый именем, то собственные имена не выражают такого способа. Мы не знаем, к какому предмету относится имя, если нам известно *только* имя. (**ВИДИМО, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ СЛУЧАЕВ ЗНАНИЯ ПРЕДМЕТА ПО ЗНАКОМСТВУ**) В самом слове, знаке нет никакой информации о том, какой предмет им обозначается. Когда я произношу слово «Венера», то нельзя из самого этого слова понять, к какому предмету оно относится – к римской богине, ко второй планете Солнечной системы или к моей соседке по даче. Если бы Фреге был последователен, то он должен был бы сказать, что собственное имя есть не более чем значок, который мы прикрепляем к предмету и который можем произвольно заменять.

Возможно, его подвело то обстоятельство, что к собственным именам он отнес также описательные выражения типа «Утренняя звезда», «ученик

¹⁷ Там же, с. 233 – 234.

¹⁸ Там же, с. 233.

Платона» и т.п. Эти выражения действительно обладают смыслом, понимая который мы иногда способны узнать, к какому объекту они относятся. Однако такого рода выражения являются, скорее, ненасыщенными функциями, а не собственными именами: «Утренняя звезда (x)», «ученик Платона (x)». Как функция $x + 3 = 5$ указывает на число 2, подстановка которого на место x делает это равенство истинным, так и функция «Утренняя звезда (x)» указывает на планету Венера, подстановка имени которой на место x делает истинным предложение «Венера есть Утренняя звезда». Более того, выражения вида «ученик Платона» способны указывать не на один единственный, а на множество объектов (естественно предположить, что помимо Аристотеля у Платона были и другие ученики).

Таким образом, напрашивается мысль о том, что подлинные собственные имена следует отличать от описательных имен: первые действительно являются простыми знаками предметов, а вторые выражают некоторые функции, понятия, их следует относить к функциональным выражениям. Тогда различие между тождествами «Утренняя звезда есть Утренняя звезда» и «Утренняя звезда есть Вечерняя звезда» объясняется не тем, что используемые выражения обладают разным смыслом, а тем, что первое предложение говорит о тождественности функции «Утренняя звезда» самой себе, а второе предложение говорит о тождестве значений двух разных функций. Отличие от того, что говорит Фреге, кажется не слишком большим, но оно позволяет нам сказать, что подлинные собственные имена у Фреге лишены смысла.

Высказанные соображения вовсе не претендуют на адекватную реконструкцию семантических идей Фреге, тем более, на какую-то их критику. Фреге решал собственные задачи и решил их чрезвычайно успешно. Он создал вполне последовательную и в значительной мере ясную семантическую теорию, которая до сих пор продолжает оставаться ядром логико-семантического анализа, несмотря на всю последующую критику. Да, он оставил в стороне вопрос о природе предметов. Главным для него было отношение обозначения, а понятие смысла играло в его построениях второстепенную роль. Может быть, особенности его подхода к анализу языковых выражений в какой-то мере объясняются тем, что он имел перед глазами язык арифметики и формализованный язык логики? А для этих языков, по крайней мере, в то время было достаточно экстенсионального рассмотрения и понятие смысла действительно могло казаться излишним. Это и выявилось в ходе дальнейшего развития логической семантики.

Различие между подлинными собственными именами и описательными выражениями стало предметом анализа Б.Рассела. Фреге все языковые выражения рассматривает как обозначения каких-то предметов или их множеств. Рассел обратил внимание на то, что многие описательные выражения ничего не обозначают и лишь кажутся именами каких-то предметов. И он поставил перед собой задачу отделить подлинные имена, обозначающие реальные объекты, от пустых, т.е. ничего не обозначающих, псевдо-имен.

Он вводит различие между «знанием по знакомству» и «знанием по описанию»: «Различие между знакомством и знанием о есть различие между вещами, о которых мы имеем представление, и вещами, достигаемыми нами только посредством обозначающих фраз».¹⁹ Рассел достаточно неопределенно говорит об этом различии, но, насколько можно понять, дело обстоит следующим образом. Если мы имели чувственное восприятие некоторого объекта и дали ему имя, то это имя является подлинным именем собственным и оно имеет значение. Но когда мы знакомы с объектом только по описанию и не имели с ним контакта с помощью органов чувств, то выражение, которое ссылается на этот объект, является не именем, а только «дескрипцией», содержащей некоторую характеристику, черту объекта. В сущности, это то, что выше мы истолковали как функцию: «Платон» - это подлинное имя; «ученик Платона» или «жена Платона» - это функции, которые могут и не иметь значения.

Когда мы имеем дело с собственным именем, то обозначаемый им объект действительно существует и у этого имени имеется значение. Но когда мы встречаем дескрипцию, то далеко не всегда существует объект, обладающий указанной в ней характеристикой. Скажем, Георг IV – это собственное имя реально существующего человека и этот человек является значением имени. Но выражение «нынешний король Англии» является не именем, а дескрипцией, и вполне может случиться так, что это выражение лишено значения, как это будет с совершенно аналогичным выражением «нынешний король Франции». Для того чтобы использовать дескрипцию в качестве собственного имени, нужно, говорит Рассел, доказать, что существует объект, обладающий соответствующей характеристикой, и что этот объект является единственным.– «Таким образом, - пишет он, - если «С» является обозначающей фразой, может случиться так, что существует одна сущность x (больше одной быть не может), для которой пропозиция « x тождествен С» является истинной... Мы можем тогда сказать, что сущность x является значением фразы «С». Таким образом, Скотт является значением «автор Уэверли». «С», заключенное в кавычки, будет просто *фразой*, и нет ничего такого, что можно было бы назвать *смыслом*. Эта фраза *per se* не имеет значения, потому что любая пропозиция, в которой она встречается, будучи полностью выраженной, не содержит этой фразы, которая разлагается».²⁰

Нам нет нужды углубляться в теорию дескрипций Рассела, тем более, что она хорошо известна. Для нас в данном случае важно лишь одно. Кажется, что собственные имена Рассел с помощью чувственного восприятия непосредственно связывает с объектами. Собственным именам смысл не нужен, ибо значение их гарантируется «непосредственным знакомством». Дескрипции либо уподобляются собственным именам, либо устраняются – в обоих случаях они также не имеют смысла. Понятие смысла для Рассела

¹⁹ Берtrand Рассел. Об обозначении. – Язык, истина, существование. Томск, 2002, с. 7.

²⁰ Там же, с. 17.

оказывается излишним – оно никак не влияет на наличие или отсутствие значения. У Фреге каждое языковое выражение имело смысл и значение. У Рассела не только имена, но и дескрипции лишаются смысла. – «Теория дескрипций Рассела, - пишет швейцарский философ Г.Кюнг, - исключает смыслы, или значения, в качестве области, промежуточной между словами и их десигнатами, что оказало далеко идущее влияние на развитие современной философии. Внимание исследователей стало концентрироваться на теории референции, а изучение смысла на первых порах было заброшено».²¹ Но не только «на первых порах». В своей книге Кюнг подробно показывает, как благодаря трудам Рассела, Витгенштейна, Тарского, Карнапа и других трехчленная семантика Фреге постепенно преобразовывалась в двучленную семантику. Констатируя положение дел, сложившееся в этой области к середине XX в., он отмечает: «В то время как традиция в своей семантике различает три вида вещей: знаки, объективное значение и обозначаемое, - большинство современных логиков пользуется в отношении слов лишь двучленной семантикой, говорящей о знаках и о том, что ими отображается».²² Но предпосылки перехода к двучленной семантике содержались, как мы видели, уже в работах Фреге.

Сама идея рассматривать все языковые выражения как имена каких-то объектов уже ориентировала на то, чтобы считать отношение именования или обозначения важнейшим семантическим отношением. Понятие смысла оказывается при этом несущественным, второстепенным, поэтому оно и не получило практически никакого освещения и осталось совершенно неясным. В конце концов, при переходе к двучленной семантике от него попросту избавились. И тогда язык предстал как система знаков, как-то прикрепленных к предметам. Но можно ли все функции языка, языковых выражений свести только к одной – функции обозначения?

С этим связана еще одна особенность семантики Фреге и ее последующих модификаций: понятие обозначаемого, предмета, объекта истолковывается в высшей степени абстрактно. Не важно, что собой представляет этот объект – физический предмет, идеальный объект, множество, - главное, что от него требуется – существование в качестве предмета нашей мысли. Он должен *как-то* существовать, а что он собой представляет – остается за пределами анализа. Если нас интересует только отношение обозначения и смысл выражений кажется ненужным, то от объектов требуется только существование, и нам нет нужды вникать в то, что они собой представляют.

Наконец, даже само понятие существования также остается в высшей степени неясным: существовать в качестве физического объекта? Или чувственно воспринимаемого объекта? Или в качестве идеального объекта? Короче говоря, логическая семантика в своем развитии оставила в стороне

---

²¹ Кюнг Г. Онтология и логистический анализ языка. М., 1999, с. 73.

²² Там же, с. 40.

многие вопросы, которые для эпистемологии как раз и являются самыми интересными.

2. Понятие смысла в повседневном языке

Несмотря на то, что Г.Кюнг в своей книге всячески подчеркивает большое значение логики и логического анализа для философских исследований, нетрудно заметить, что развитие логической семантики, столь тщательно проанализированное им, вдохновлялось совершенно абсурдной с точки зрения философии идеей, а именно, мыслью о том, что структура языка воспроизводит структуру реальности, что можно непосредственно сопоставлять язык, языковые выражения со структурой и объектами реального мира.

Эта наивная мысль отчетливо была представлена в «Трактате» Л.Витгенштейна. В мире, - говорит он, - существуют объекты, имеющие имена. «Конфигурация объектов образует атомарный факт».²³ Мы создаем для себя образы атомарных фактов, причем элементы образа сочетаются так же, как объекты в структуре факта (2.1; 2.131). «То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи» (2.15). «Конфигурации простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурация объектов в положении вещей» (3.21). Расположение знаков в предложении отображает расположение предметов в положении дел. В языке есть только знаки предметов и их конфигурации, представляющие собой предложения. Таким образом, предикатные знаки оказываются не нужны. Если у Фреге только подлинные собственные имена были лишены смысла, то Витгенштайн, избавляясь от предикатных знаков, лишает свой язык осмысленных функциональных выражений. Смысл сохраняется только за предложением, однако этот смысл сводится лишь к изображению некоторого положения дел. В свое время все это звучало весьма интригующе, однако если бы в тот период кто-то обратил внимание на многообразие национальных естественных языков, то ему сразу же стало бы очевидно, что структуры естественных языков разных народов настолько разнообразны, что объявлять какую-то группу языков зеркальным отображением реальности слишком самонадеянно. Витгенштайн мог бы на это возразить, что он имеет в виду совершенный логический язык. Однако после появления разнообразных неклассических логик – интуиционистских, многозначных, паранепротиворечивых и т.д. – стало ясно, что и классическая логика – это вовсе не логика реальности.

Когда логическая семантика занимается анализом языковых выражений, то, как мы видели, главным для нее является отношение обозначения – отношение между языковым выражением и обозначаемым им предметом. Но как устанавливается это отношение? Допустим, у нас есть две точки, обозначенные именами А и В. Как узнать, какое имя соответствует какой

---

²³ Витгенштейн Л. «Логико-философский трактат». М., Канон+, 2008, 2.0272.

точке? Для этого нужно придать нашим именам смысл – «конкретный способ задания обозначаемого», как говорил Фреге. Пусть А – точка пересечения прямых *a* и *b*, а В – точка пересечения прямых *c* и *d*. Вот теперь, когда под А мы имеем в виду «точку пересечения *a* и *b*», мы знаем, какую точку из двух она обозначает. Конечно, имена предметам можно присваивать оstenсивно – путем указания на предмет и произнесения при этом имени, но ведь таким образом можно дать имена лишь очень небольшому кругу предметов. А главное: как разговаривать об этих предметах? Далеко не всякий предмет, о котором мы что-то хотим сказать собеседнику, можно предъявить ему для опознания. Поэтому любое обозначающее выражение должно иметь смысл – смысл, говорящий нам о том, какие предметы обозначаются данным выражением. Смысл играет роль оstenсивного указания или расселовского «знакомства». По-видимому, в естественном языке каждое значащее выражение является осмысленным. Здесь отношение обозначения отходит на задний план, а понятие смысла оказывается наиболее существенным.

Наш известный лингвист Ю.С.Степанов, рассматривая понятие смысла в естественном языке, истолковывает смысл как некий *концепт*. Поясняя свое понимание концепта, он пишет: «Возьмем, например, представления рядового человека, не юриста, о «законном» и «противозаконном», - они концентрируются прежде всего в концепте «закон». И этот концепт существует в сознании (в ментальном мире) такого человека, конечно, не в виде четких понятий о «разделении властей», об исторической эволюции понятия закона и т.п. Тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово *закон*, и есть концепт «закон». В отличие от понятий в собственном смысле термина (таких, скажем, как «постановление», «юридический акт», «текст закона» и т.п.), концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека».²⁴ – Это, конечно, не вполне ясно, однако можно понять, что концепт – это некий сплав всех тех мыслей, представлений, переживаний, которые связывает человек с законом. Этот сплав даже не имеет языкового выражения, ибо слово «закон» выражает понятие, имеющее определенный объем (совокупность законов) и определенное содержание. Содержание понятий не включает в себя представлений, ассоциаций, переживаний, оно не «переживается». В отличие от понятия, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека».²⁵ Концепт существует как воплощение культуры, он не может быть выражен словом, и если все-таки мы вынуждены представлять концепты словами, то слова не передают всего их содержания.

Концепт, с точки зрения Степанова, имеет сложную структуру. Возьмем, например, праздники 23 февраля и 8 марта как праздники мужчин и женщин.

---

²⁴ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., Академический проект, 2001, с. 43.

²⁵ Там же.

Для подавляющего большинства людей это просто выходные дни, когда принято поздравлять мужчин и женщин. Некоторые люди (обычно старшего поколения) помнят, что 23 февраля – это День Советской Армии, а 8 марта – Международный женский день. И уж совсем немногие помнят о том, что 23 февраля 1918 года только что организованная Красная Армия одержала свою первую скромную победу, а 8 марта было принято в качестве Международного праздника трудящихся женщин по предложению Клары Цеткин. В данном случае концепт имеет три слоя: основной, актуальный признак (нерабочий день); «исторические» признаки; словесное выражение. Это показывает также, что в сознании тех или иных людей концепт практически никогда не представлен в его полном содержании: «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры».²⁶

Но это, скорее, культурологическое понимание концептов: концепт – воплощение, сгусток культуры. При таком понимании концепты кажутся чем-то расплывчатым, почти неуловимым, с ними трудно работать. Однако, обращаясь от культуры к языку, Степанов приходит к мысли о том, что концепты – это смыслы понятий (слов, терминов). – «Говоря проще – значение слова это тот предмет или те предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо, а концепт это смысл слова.

Приведем пример. В русском языке слово *петух* имеет «значение» и «смысл». Его «значение» – это все птицы определенного внешнего вида (которому соответствует их зоологическая характеристика): ходячая (не летающая) птица, самец, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах. Значение иначе называется «денотатом». «Смыслом» же слова *петух* будет нечто иное (хотя, разумеется, находящееся в соответствии со «значением»): а) домашняя птица, б) самец кур, в) птица, поющая определенным образом и своим пением отмечающая время суток, г) птица, названная по своему особенному пению: *петух* от глагола *петь..*; вещая птица, с которой связано много поверий и обрядов».²⁷ Итак, говорит нам лингвист и культуролог, слова естественного языка имеют смысл и значение; смыслы некоторых слов – наиболее существенные для данной культуры, в наибольшей мере воплощающие характерные особенности этой культуры, – Степанов называет концептами.

Для того чтобы придать несколько большую точность этим рассуждениям о «сгустках культуры», мы можем попытаться соединить их с идеями логической семантики. Если под «значением» слова мы будем иметь в виду обозначаемый предмет или класс предметов, а под «смыслом» – все то, что позволяет нам выделить этот предмет или класс из множества других предметов, то, обращаясь к примеру Степанова, мы можем сказать, что значением слова «петух» будет множество предметов, к которым мы относим

---

²⁶ Там же, с. 48.

²⁷ Там же, с. 45.

это слово, а его смыслом – все те черты петухов, которые перечисляет Степанов: птица, ходячая птица, самец, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах, домашняя птица, самец кур и т.д. Именно эти черты позволяют нам отличать петухов от всех других птиц и более или менее точно задавать класс соответствующих предметов, в чем и состоит, согласно Фреге, функция смысла.

В примере Степанова имеется некоторая неясность: почему-то зоологические характеристики петуха он относит к значению слова «петух», а его культурологические характеристики – к смыслу. С нашей точки зрения все перечисленные им характеристики принадлежат смыслу, причем зоологические характеристики являются важнейшими для смысла, ибо они воплощают в себе знание о петухах. *Смысл слова не только содержит указание на обозначаемые этим словом объекты, он еще включает в себя наши знания об этих объектах.* Указание и состоит в сообщении о некоторых чертах, особенностях, свойствах тех объектов, к которым относится указание. Следовательно, указание опирается на знание этих свойств и особенностей.

Собственно, это основной тезис данной части. Его можно проиллюстрировать сравнением двух словарей – толкового и энциклопедического. Возьмем какое-нибудь слово, скажем, слово «озеро». Толковый словарь русского языка скажет нам о том, как употребляется это слово, к какому грамматическому роду относится, как образуется множественное число, какие модификации оно имеет: озерко, озерцо. Но это все, так сказать, синтаксическая (грамматическая) характеристика слова. Словарь говорит также о том, какие объекты обозначаются данным словом. Для этого он выделяет одну из характеристик смысла, позволяющую указать на объект: «Замкнутый в берегах большой естественный водоем».²⁸ Здесь все по Фреге: значением слова «озеро» будет множество объектов, а его смыслом – та характеристика (функция Фреге), руководствуясь которой мы выделяем это множество. Но энциклопедический словарь добавляет к этой единственной смысловой характеристике те знания, которые у нас есть об озерах: «ОЗЕРА, природные водоемы в углублениях суши (котловинах), заполненных в пределах озерной чаши (озерного ложа) разнородными водными массами и не имеющие одностороннего уклона. Котловины О. по происхождению делятся на тектонические, ледниковые, речные (старицы), приморские (лагуны и лиманы)...».²⁹ – Вот тот смысл, который слово «озеро» имеет в современной культуре, и мы видим, что он аккумулирует в себе знания об озерах.

Логическая семантика, как мы видели, уделяла внимание, главным образом, обозначающей функции языка, ее интересовало отношение между языковыми выражениями и обозначаемыми ими объектами. Смысл затрагивался ею лишь постольку, поскольку он был необходим для указания

²⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978, с. 408.

²⁹ Советский энциклопедический словарь. М., 1982, с. 916.

на обозначаемые объекты. Но ведь язык служит не только для обозначения, быть может, еще более важно то, что он используется для накопления, сохранения и передачи знаний. И вот эту функцию хранения, трансляции и использования знаний логическая семантика, кажется, совершенно не заметила.

II.3. Формирование смысла. Определение понятия смысла

Из пучка представлений, ассоциаций, переживаний и т.п., называемом Ю.С.Степановым концептом, мы можем выделить ту его часть, которая воплощает в себе знания о тех объектах, к которым мы относим концепт. Концепт, таким образом, можно разложить на две части: знание и культурные ассоциации. Скажем, знание о золоте как о металле будет приблизительно одинаковым для разных культур, но в концепт «золото» их представители могут вкладывать разные ассоциации и переживания: символ богатства, власти, «золотой телец», средство обмена и т.п. В дальнейшем под «смыслом» выражения мы будем понимать только воплощенное в нем знание об объектах, обозначаемых данным выражением.

Как формируется, как образуется смысл наших слов и терминов? Ответ очевиден: так, как вообще возникает всякое знание. Мы получаем знание об объектах либо в процессе практической деятельности с ними, либо в результате научного исследования. Философия науки говорит о том, что знание воплощено в обоснованных предложениях, констатирующих факты или выражающих законы, и в системах таких предложений – в теориях. Однако совершенно очевидно, что знание представлено также и в терминах науки – в понятиях, скажем, электрического заряда, теплопроводности, химического элемента, биологического вида, в единицах измерений и т.п. Удивительно, но философия науки, кажется, почти не обратила внимания на это обстоятельство, обсуждая, в основном, предложения и системы предложений. Можно сделать шаг дальше и сказать: то, что выражается в истинных предложениях, в дальнейшем концентрируется, «оседает» в смысле научных терминов.

Возьмем, к примеру, слово «треугольник». Первоначально его смысл исчерпывался лишь одной характеристикой, позволяющей нам выделять треугольники из всей совокупности геометрических фигур: треугольник – это плоская геометрическая фигура, ограниченная тремя сторонами. Здесь, действительно, функция смысла сводилась только к указанию всего лишь с помощью одной черты на обозначаемые этим словом объекты. Но вот однажды кто-то доказал теорему о том, что сумма внутренних углов треугольника равна двум прямым. Смысл слова «треугольник» стал включать в себя это свойство треугольников. Затем постепенно стало обнаруживаться, что в треугольнике против большего угла лежит большая сторона, что биссектрисы треугольника пересекаются в одной точке, что медианы также пересекаются в одной точке и т.д. Все эти постепенно открываемые свойства треугольников конденсируются в смысле слова «треугольник». И теперь, когда мы к какому-то предмету относим слово «треугольник», мы не просто

обозначаем этот предмет неким именем, а приписываем ему все те свойства, которые заключены в смысле данного слова. Имея дело с расчетами или схемами, в которых присутствуют треугольники, мы все время помним об этих свойствах. Назвать предмет «треугольником» значит не просто дать ему имя, а сказать, что мы уже очень много знаем об этом предмете.

Когда мы рассматривали семантику Фреге, мы отметили некоторую неясность: зависит смысл слова от обозначаемого предмета или нет? Теперь мы можем сказать, что между смыслом слова и предметом существует взаимная зависимость. Первоначально мы посредством указания или какой-то внешней особенности выделяем некоторый предмет и даем ему имя. Затем в процессе изучения этого предмета или в результате его практического использования мы открываем какие-то его свойства. Эти свойства включаются в смысл первоначального имени, и теперь, называя этим именем соответствующие объекты, мы гораздо точнее выделяем класс этих объектов и уже что-то о них знаем. Теперь мы можем включать эти объекты в новые виды деятельности или в новые исследовательские процедуры, опираясь на имеющееся о них знание. Таким образом, исследование объекта обогащает смысл его обозначения, а обогащенный смысл позволяет нам идти дальше в познании его новых сторон и свойств.

Допустим, например, что перед нами россыпь драгоценных, полудрагоценных и вовсе не драгоценных камней. Мы замечаем среди них яркие камешки и называем их «алмазами». Первоначально это слово выступает просто как ярлык, как бессодержательная метка, которой мы отмечаем какой-то сорт камней. Единственная особенность, на которую мы ориентируемся, выделяя алмазы из лежащей перед нами россыпи, – это некий особенно яркий блеск. Вот эта способность ярко блестеть и является тем смыслом, который мы придаем слову «алмаз» и которая – приблизительно и неясно – позволяет нам задать «денотат» этого слова. Затем мы узнаем, что по твердости алмаз превосходит все другие минералы. Эта его особенность включается в смысл слова «алмаз». Называя какой-то минерал «алмазом», мы уже имеем в виду не просто, что это блестящий камешек, но что это самый твердый из всех камешков, лежащих перед нами. В дальнейшем, изучая алмазы и другие минералы, мы узнаем, что это кристаллическая модификация углерода, что это полупроводник электричества, что алмазы находят в кимберлитовых трубках, их можно использовать в качестве абразивного материала и т.д. Все это знание концентрируется в смысле слова «алмаз».

Приблизительно так же обстоит дело в науке. Скажем, М.Планк в 1900 г., рассматривая излучение абсолютно черного тела, вводит термин (величину) «квант действия» с целью получения формулы распределения энергии в спектре теплового излучения. Первоначально разделение энергии на дискретные элементы служило лишь своеобразным приемом расчета. Понятие «квант действия» не имело еще никакого физического содержания, поэтому физики не обратили никакого внимания на это новое понятие. Затем в ходе исследований фотоэлектрического эффекта А.Эйнштейн в 1905 г.

вводит понятие «квантов света» и связывает это понятие с формулой излучения Планка. Но еще и на первом Сольвеевском конгрессе (1911 г.), посвященном «Теории излучения и квантам», физический смысл постоянной Планка оставался совершенно неясным. И лишь последующее развитие квантовой механики постепенно наполнило понятие «кванта энергии» богатым и глубоким смыслом.³⁰ Считается, что понятие химического элемента ввел Роберт Бойль в 1661 г. Действительно, он дал определение этого понятия: «я теперь подразумеваю под элементами... некоторые первоначальные и простые или совершенно несмешанные тела, которые, не будучи образованы из каких-либо других тел или друг из друга, являются ингредиентами, из которых непосредственно составляются все так называемые совершенно смешанные тела и на которые эти тела в конечном счете распадаются».³¹ Однако сам он в существование химических элементов не верил и полагал, что все тела состоят из однородных атомов. Это определение он ввел с целью критики химических представлений своего времени. Однако с дальнейшим развитием химии было доказано существование химических элементов и это понятие приобрело богатый смысл.

Философия науки совершенно справедливо указывала на то, что знание выражается в обоснованных истинных предложениях. Сначала мы фиксируем некоторый факт или устанавливаем некоторый закон: «Страусы не летают», «Свет оказывает давление на освещаемые тела», «Все планеты движутся по эллипсу вокруг Солнца», «Атомный вес железа равен 56», «Сила взаимодействия двух неподвижных точечных зарядов пропорциональна их величине и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними» (закон Кулона) и т.д. Различие между фактами и законами весьма неопределенно, поэтому мы можем говорить просто о предложениях, фиксирующих некоторую устойчивую неизменную связь. Именно эти предложения выражают знание.³² Но после того, как знание получено и признано, оно включается в смысл слов, входящих в предложение: когда я произношу слово «страус», я подразумеваю именно нелетающую птицу; когда я произношу слово «планета», я подразумеваю именно тело, движущееся по эллипсу вокруг Солнца, и т.п.

С этой точки зрения смысл слова можно определить как совокупность всех истинных законоподобных предложений, в которые оно входит. Скажем, в смысл слова «снег» входит все то, что мы знаем о снеге и что выражается в истинных законоподобных предложениях, в которые входит это слово: снег бел, снег – это кристаллизованная вода, снег тает при температуре выше 0 градусов и т.п.

Вспомним теперь о том, что Фреге разлагает простые предложения на аргумент и функцию, причем функция представлена предикатным

³⁰ Дорфман Я.Г. Всемирная история физики с начала XIX до середины XX вв. М., Наука, гл. 14.

³¹ Цит. по: Становление химии как науки. М., 1093, с. 51.

³² Серьезные проблемы, связанные с разграничением фактов и законов, а также с отличием законов от случайно истинных обобщений, мы здесь оставляем в стороне.

выражением, содержащим пустое место: «зеленый (*x*)», «лошадь (*x*)». При подстановке на пустое место имени некоторого объекта функция превращается в истинное или ложное предложение. Если мы отталкиваемся от совокупности истинных предложений, в которые входит некоторое имя, то можем сказать, что *смысл имени представлен множеством функций, которые превращаются в истинные предложения при подстановке этого имени на место аргумента.*

Фреге говорит об именах и функциях и полагает, что имя не может стоять на месте предиката, т.е. не может стать функцией: «Собственные имена нельзя употреблять как настоящие предикаты»,³³ пишет он. Оставим пока в стороне подлинные собственные имена. Все остальные слова могут стоять как на месте субъекта, так и занимать место предиката. Возьмем какие-нибудь обычные слова нашего языка, скажем, «огурец» и «волк». Мы можем высказать некоторые истинные предложения, в которых эти слова стоят на месте субъекта, т.е. являются именами, подставляемыми на аргументные места функциональных выражений: «Огурец имеет продолговатую форму», «Огурец зеленый», «Огурцы засаливают на зиму» и т.п.; «Волки живут в лесу», «Волки – хищные животные», «Что волки жадны, всякий знает» и т.п. Здесь эти истинные предложения что-то добавляют к смыслам слов «огурец» и «волк», какие-то новые свойства обозначаемых этими словами предметов. Если бы у нас действительно были четко разделены имена и функции, то истинные предложения добавляли бы что-то новое только к смыслу имен, т.е. аргументных выражений. Но в повседневном языке этой четкой разницы нет, он допускает операцию обращения традиционной логики, при которой субъект занимает место предиката, а предикат становится на место субъекта: «Некоторые продолговатые предметы являются огурцами», «Некоторые хищные животные являются волками». Эти предложения уже нечто сообщают нам о продолговатых предметах и о хищных животных, т.е. добавляют что-то к смыслу обозначающих их выражений. Учитывая возможность обращения, мы можем сказать, что истинное предложение обогащает смысл не только субъекта, но и предиката, т.е. всех входящих в него слов.

Здесь выявляется одно интересное обстоятельство, которое выразил Фреге своим различием имен и функций. Когда слово стоит на месте субъекта или выступает в качестве аргумента, то на первый план выступает его функция обозначения, оно рассматривается нами, в первую очередь, как имя какого-то объекта или класса объектов. - «Волки – хищники» - здесь слово «волки» используется как имя какого-то класса объектов, которому предикат приписывает свойство «быть хищниками». Конечно, слово «волки» и при этом сохраняет свой смысл, но в субъекте нам важен не смысл, а обозначаемый объект. В предикате же на первое место выходит именно смысл – то свойство, которое мы приписываем субъекту, а его обозначающая функция отходит на задний план. Но вот мы произвели обращение:

---

³³ Размышления о смысле и значении. – Там же, с. 248.

«Некоторые хищники – волки». – Здесь уже слово «хищники» выступает в качестве имени какого-то класса предметов, а слово «волки», напротив, выражает набор свойств, присущих волкам. Таким образом, *фрегевское различие между именами и функциями можно истолковать как различие между функциями субъекта и предиката в предложении: субъект выступает, прежде всего, как обозначающее выражение, как имя, а предикат – как функциональное выражение, выражающее свой смысл.*

Фреге полагал, что подлинное имя собственное, т.е. имя единичного объекта типа «Луна», «Цезарь», «Венера» (планета), никогда не может стоять на месте предиката, т.е. это только аргументы, но не функции. Именно на этом основании он проводил различие между аргументами и функциями: функция – это то, что стоит на месте предиката; аргумент – это то, что стоит на месте субъекта и предицироваться не может. Отсюда вытекало, что подлинные имена собственные лишены: произнося слово «Луна», я просто некоторый набор звуков соотношу с определенным небесным телом. Как мне представляется, здесь семантическая теория уже очень далеко расходится с реальным функционированием повседневного языка.

О том, что имена собственные обладают смыслом, свидетельствует хотя бы тот факт, что они легко превращаются в имена нарицательные, т.е. в обозначения классов предметов или явлений. Огромное число единиц измерения в физике – это имена великих физиков: сила измеряется в ньютонах, работа – в джоулях, электрический заряд – в кулонах, напряженность электрического поля – в вольтах и т.д. – «Мы все глядим в наполеоны, двуногих тварей миллионы для нас орудие одно», - говорит поэт, превращая собственное имя «Наполеон» в предикат. Можно сказать о каком-нибудь честолюбивом человеке, что он метит в цезари, и мы поймем, что этот человек стремится к единоличной верховной власти, ибо этот смысл мы связываем с именем «Цезарь». Когда начальник говорит своим подчиненным: «Ну, устрою я вам Варфоломеевскую ночь!», то разве слова «Варфоломеевская ночь» обозначают здесь августовскую ночь 1572 г., когда в Париже началась массовая резня гугенотов? Добрый доктор Ж.Гильотен, дабы уменьшить страдания приговоренных к казни людей, изобрел орудие для быстрого и почти безболезненного отделения головы от тела. Его имя тут же превратилось в название страшного орудия – «гильотина». Имя сердобольного священника Т.Мальтуса легко превратилось в название одиозной концепции – «мальтизанство». Мы до сих пор говорим: «Сталинградская битва» или «блокада Ленинграда», и прекрасно понимаем, о чем идет речь. Но попробуйте сказать: «Волгоградская битва» или «блокада Санкт-Петербурга», и вас никто не поймет, ибо имена собственные «Сталинград» и «Ленинград» - это не просто обозначения каких-то городов, а носители богатого исторического смысла.

Да, конечно, когда мы встречаем новый объект или рождается новый человек, мы даем ему имя, которое на первых порах несет лишь функцию обозначения и действительно не имеет почти никакого смысла. Например, родился в 1769 г. в семье небогатого корсиканского дворянина Карло

Буонапарте второй ребенок, мальчик, которого назвали Наполеоне, - просто чтобы отличать его от сестер и братьев. Но по мере того, как этот мальчик рос, его имя наполнялось смыслом: офицер, капитан, командующий артиллерией при осаде Тулона, спаситель Директории от роялистского мятежа, главнокомандующий Итальянской армией, покоритель Египта, Первый консул Французской Республики, император, великий полководец, законодатель (кодекс Наполеона), государственный деятель... Теперь, когда мы произносим имя «Наполеон», мы имеем в виду все черты личности, так мощно проявившиеся в его действиях. Собственное имя всегда несет в своем смысле все наши знания о том предмете, к которому оно относится, а если речь идет о человеке – всю историю личности. Имена собственные не только обладают смыслом, смысл их часто намного богаче, чем смысл общих имен.

II.4. Знания общества и знания индивида

Возможно, нам удалось показать, что смыслом обладают все обозначающие выражения и что именно в смысле языковых выражений – слов и предложений – содержится наше знание. Остается еще один важный вопрос: как существует смысл или, обобщая, как существует знание?

У Фреге смысл существовал в некоей промежуточной области между предметами и обозначающими их выражениями. Его впоследствии упрекали в допущении существования идеальной области платоновских сущностей наряду с существованием материальных предметов – вещей и знаков. Карл Поппер в своей концепции «третьего мира» прямо вводит мир объективного знания, существующий в значительной мере независимо от материального мира и мира индивидуального сознания. Последователи Э.Геттиера склонны рассматривать знание только как некое ментальное состояние индивида. Вопрос до сих пор остается: где и как существует знание?

Не претендуя на решение этого чрезвычайно сложного вопроса, мы могли бы здесь сказать, что знание существует в виде смысла научных текстов – журналов, книг, учебников, энциклопедий, популярных изданий и т.п. Это не мир независимых идеальных сущностей, ибо смысл не существует сам по себе, он всегда привязан к языку и существует только как свойство языковых выражений. Но это и не ментальное состояние того или иного индивида, ибо смысл – всеобщее достояние и интерсубъективное знание. Знание существует так же, как существует язык: это не нечто объективное, существующее наряду с материальным миром; но это и не эфемерное психическое состояние индивида; язык и его смысл – это принадлежность общества и существует как сторона общественной жизни.

Процесс социализации новых поколений, процесс образования в значительной мере связан с усвоением повседневного и профессионального языков, с усвоением смысла слов и терминов. В сущности, мера образованности индивида – это та мера, в которой он усвоил смысл выражений разнообразных языков, функционирующих в обществе. Конечно, ни один носитель языка – естественного или профессионального – не знает вполне смысла тех слов и терминов, которые употребляет. Например, почти

всем нам известно слово «атом» и мы довольно часто его используем. Но что мы обычно имеем в виду? – Мельчайшие частицы, из которых состоят окружающие нас тела. Многим известно, что атом имеет сложную структуру и состоит из еще более мелких частиц. Кое-кто знает, что атомы изобрел древнегреческий философ Демокрит. Физик или химик могут рассказать об атомах много дополнительных и сложных вещей, которые включены в смысл этого слова. К тому же слово «атом» часто используется в качестве метафоры, когда мы говорим об обществе «атомизированных индивидов», об «атомарных предложениях» и т.п. Метафорическое употребление также связано со смыслом данного слова. Ю.С.Степанов выделяет три уровня в концепте, однако можно предположить, что каждое значащее слово имеет много слоев смысла и использующие слово люди могут придавать ему разные слои. Например, в слово «лошадь» крестьянин, зоолог, любитель скачек, изготовитель конской колбасы или художник будут вкладывать разные смыслы, хотя все эти смыслы принадлежат концепту, выражаемому данным словом.

Усвоение смысла слов индивидом осуществляется посредством его знакомства с истинными предложениями, в которых раскрывается этот смысл. Возьмите, скажем, простой предикат «красный». В детстве мы усваиваем, что «красный» это свойство некоторых окружающих нас предметов – яблока, цветка, мякоти арбуза. В школе мы знакомимся с истинным предложением «Красный – один из цветов солнечного спектра наряду с желтым, зеленым и т.д.». Затем мы узнаем о существовании инфракрасных лучей, не воспринимаемых нашим зрением, узнаем, что световые волны имеют определенную длину и частоту, что ощущение красного цвета возникает в нашем мозгу под влиянием волн определенного рода и т.д., и т.п. В дополнение к этому знанию, постепенно образующему смысл слова «красный», нам становится известно о красных флагах и о том, что кровь также красного цвета; о борьбе «красных» и «белых» в период Гражданской войны, о Красной Армии. Наконец, выражения «Красная площадь» и «красная девица» указывают нам на связь понятий красного и красивого. Все эти связи, ассоциации, символы входят в смысл слова «красный» и, усваивая культуру общества, мы постепенно все глубже и полнее усваиваем смысл слов нашего языка. С этой точки зрения, смысл слова действительно оказывается «сгустком культуры», как говорит Ю.С.Степанов.

Если согласиться с тем, что знания общества воплощены в смыслах языковых выражений, то это приводит нас к выводу о том, что почти все высказываемые нами в повседневной жизни предложения являются аналитическими в кантовском истолковании, т.е. их предикаты уже включены в содержание субъекта. Этот вывод может показаться несколько странным. Легко понять, что предложение «Всякий холостяк не женат» является аналитическим, ибо нам известно, что свойство «быть неженатым» включено в смысл слова «холостяк», но труднее согласиться с тем, что предложения «Кровь красная» или «Снег бел» также являются

аналитическими. Тем не менее, свойство «быть красной» или «быть белым» уже включено в смысл слов «кровь» и «снег»: если мы увидим жидкость иного цвета, мы не признаем ее кровью. С точки зрения общества и культуры все такие предложения являются аналитическими, т.е. они просто раскрывают смысл входящих в них слов, но для индивида, только еще усваивающего знания и культуру общества, они могут быть синтетическими, т.е. давать *ему* новое знание. Лишь в очень редких случаях, когда ученый открывает новый факт или устанавливает новый закон, он впервые высказывает некоторое предложение и это предложение действительно является синтетическим – истинность его обосновывается не раскрытием смысла входящих в него слов, а опытом, экспериментом. Мы же в своей повседневной жизни, да и в науке, обычно высказываем аналитические предложения, истинность которых обосновывается обращением к учебникам и энциклопедиям. Когда я встречаю предложение «Пингвины ныряют за рыбой», то для проверки этого предложения я не еду в Антарктиду наблюдать поведение пингвинов. Я просто ищу описание этих птиц и их жизни. Мы почти никогда не открываем нового, мы чаще всего в миллионный раз повторяем уже известное. Однако это повторение необходимо для жизни знания.

Знания общества воплощены в смысловой стороне языка, но без людей, усваивающих и использующих знание, его просто не существует, и предложения и слова, в которых выражается знание, без понимающего их субъекта превращаются просто в набор пятен на бумаге. Что толку в книге, написанной на языке, которого никто не понимает? Содержит ли она знание? Наши слова и предложения становятся знанием не тогда, когда они напечатаны на бумаге, а когда появляется человек, способный понять их и сказать: «Я знаю».

Вопрос о том, что происходит в сознании человека, произносящего эту фразу, о каких ментальных состояниях она свидетельствует, мы можем здесь оставить в стороне. В конце концов, для эпистемологии совершенно неважно, какой смысл вкладывает в слово «знаю» тот или иной человек. Но можно поставить иной вопрос: как установить, что индивид действительно что-то знает? Сам индивид может быть убежден, что он знает математику, иностранный язык, географию или астрономию, но так ли это? Внешний наблюдатель не может проникнуть в сознание индивида и непосредственно установить, имеются ли там какие-то знания или нет. Нам дано лишь его внешнее, наблюдаемое поведение. Если допустить, что одна из важнейших функций знания состоит в том, чтобы помогать нам ориентироваться в мире, достигать поставленных целей, предвидеть результаты нашей деятельности, то когда мы видим, что деятельность субъекта адекватна ситуации, мы вправе заключить, что он знает, чего требует от него ситуация. И нам не нужно задумываться над тем, какие психические процессы происходят в его сознании.

Но если нам дано лишь внешнее, наблюдаемое поведение индивида и мы предполагаем, что это поведение детерминировано его знанием, т.е. его

представлениями о реальной ситуации, то знание индивида выступает для нас как некая его *диспозиция* – его предрасположенность вести себя определенным образом в определенных ситуациях.

Как известно, диспозициями называют скрытые свойства вещей, которые проявляются лишь в определенных обстоятельствах. Кусок сахара бел - это его явное, наблюдаемое свойство. Но вот то, что он растворим в воде, нельзя установить наблюдением – это скрытое диспозиционное свойство. Для того чтобы оно проявилось, этот кусок сахара нужно опустить в воду – тогда он растворится. Стеклянный стакан хрупок – если он упадет на пол, то разобьется; ивовый прут гибок – при небольшом усилии он согнется; огонь жжется – если коснешься пламени рукой, то обожжешься, и т.д. Окружающие нас вещи полны скрытых, ненаблюдаемых свойств – диспозиций, – которые проявляются только в соответствующих обстоятельствах.³⁴

Но и люди обладают диспозиционными свойствами. – «Этот человек хромой», – говорим мы. Что это значит? Ведь внешне ничего не заметно. А когда он пойдет, то будет припадать на одну ногу. – «К тому же он глухой» – если попытаться заговорить с ним, он ничего не услышит. Злой, жадный, глупый или добрый, щедрый, умный – все это диспозиционные свойства, проявляющиеся в соответствующих ситуациях. Человек может приобретать некоторые диспозиционные свойства и утрачивать их, например, он может подлечиться, перестать хромать и начать слышать.

Кажется, со знанием дело обстоит аналогичным образом: человек может его приобретать и может забывать, и оно проявляется в его способности ориентироваться и действовать в мире. – «Я знаю, как пользоваться ножом и вилкой», – это означает, что когда мне дадут кусок мяса, я сумею его разрезать и съесть, не запачкав рук. – «Я знаю, как доказывается эта теорема», – это означает, что если возникнет необходимость, я смогу построить соответствующее доказательство. Вообще говоря, «Я знаю, что Р», означает, что в ситуации, имеющей отношение к Р, я буду вести себя так, как предписывает знание, содержащееся в Р. Скажем, я знаю, что дерево плавает в воде, поэтому при необходимости я построю плот из бревен, чтобы переплыть реку. Я знаю, что железо плавится при температуре 1530 градусов Ц, поэтому, когда мне понадобится расплавить кусок железа, я накалю его до этой температуры.

Субъективистский подход определяет знание в терминах веры или убеждения: «субъект знает, что Р» при этом означает «субъект верит (убежден и т.п.), что Р». Но когда я со стороны решаю вопрос о том, знает ли некий индивид то, что выражено суждением Р, или не знает этого, я смотрю на его поведение: действует ли он в соответствии с Р или нет? Скажем, знает

³⁴ Диспозиционные предикаты – как разновидность теоретических терминов – широко обсуждались в логическом эмпиризме. Проблема заключалась в том, чтобы либо свести их содержание к терминам наблюдения, либо найти способ приписывать диспозицию вещи, опираясь только на ее наблюдаемые свойства. Проблема оказалась неразрешимой, да и само различие между явными и диспозиционными предикатами осталось весьма расплывчатым; см.: Карнап Р. Проверяемость и значение (1936); Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание, гл. 2 (3). – Способы создания миров. М., 2001.

ли мой собеседник, что столицей Франции является Париж? Если однажды он захочет попасть в столицу Франции и берет билет на самолет в Париж, - да, он знает это и его знание проявляется как соответствующая диспозиция. Но если, желая попасть в столицу Франции, он берет билет на самолет в Лондон, он не знает этого, сколь бы велико ни было его убеждение в обратном. А что при этом происходит в его сознании – верит ли он, убежден ли, какие у него есть основания для веры – все это не имеет никакого значения. Мой приятель утверждает, что знает английский язык. Возможно, он действительно уверен в этом и у него есть основания для такой уверенности, скажем, он десять лет занимался изучением языка с квалифицированным педагогом. Сторонники субъективистского подхода считают, что этого достаточно, чтобы приписать ему знание языка. Однако мы вправе сомневаться в его знаниях до тех пор, пока не увидим его в англоговорящей среде: если он понимает и адекватно реагирует, то он действительно знает язык, но может оказаться и так, что он ничего не понимает и не способен связать двух слов по-английски.

Вообще говоря, человеку нужны знания для ориентировки и деятельности в окружающем мире, поэтому знания индивида и проявляются как его диспозиции к определенному поведению в соответствующих ситуациях. С этой точки зрения, навыки, умения, стереотипы поведения, которые также проявляются как диспозиции, тоже можно назвать знаниями, хотя это знание во многих отношениях отлично от того, которое заключено в смысле языковых выражений. По-видимому, это решает вопрос о соотношении социального и индивидуального знания. Социальное знание представлено смысловой стороной языка, индивидуальное знание проявляет себя как диспозиции индивида. Усваивая знания, индивид приобретает все больше скрытых диспозиционных свойств, которые обнаруживаются в его деятельности. Чем больше он знает, тем успешней будет его деятельность.

III. Знание и онтология

Как мы видели, Фреге оставляет в стороне вопрос о том, что представляют собой предметы, обозначаемые языковыми выражениями. Жаль, что он, по-видимому, не был знаком с философскими работами своего современника - австрийского физика Эрнста Маха, которого в наибольшей мере интересовал именно этот вопрос. Опираясь на некоторые идеи Маха, мы здесь попробуем показать, что знание не только *описывает* окружающий нас мир, оно также *конструирует* его.

III.1. Мир обыденного сознания

Взглянем повнимательнее на мир, в котором мы живем. Что мы увидим?
– Вот стоит дерево, расцвел розовый куст, бабочка пролетела и назойливо пищат комары. – «Мы окружены предметами», – пишет современный психолог. – Всю жизнь мы опознаем, классифицируем, оцениваем и используем предметы. Наши инструменты, жилища, оружие, пища – предметы. Почти все, что мы ценим, чем любуемся, чего пугаемся, по чьему

скучаем, - предметы. Мы привыкли к тому, что предметы (объекты) видны повсюду, и поэтому, наверное, трудно представить себе, что способность нашего зрения видеть предметы все еще загадочна. Тем не менее это так».³⁵

Сто лет назад эту загадку пытался разгадать Max, который начинает свои рассуждения приблизительно с такой же картины: «Я нахожу **себя** в пространстве, окруженным различными телами, способными двигаться в этом пространстве. Тела эти суть: «безжизненные» тела, растения, животные, люди. Мое **тело**, тоже способное двигаться в пространстве, является для меня в такой же мере видимым, осязаемым, вообще чувственным объектом, занимающим часть чувственного пространства, находящимся **вне** остальных тел и **рядом** с ними, как сами эти тела».³⁶ Каждый из нас приблизительно теми же словами опишет мир, центром которого он себя чувствует, в котором живет и действует.

Мы с детства привыкаем жить в этом мире тел и предметов, и склонны отождествлять его с реальным внешним миром. В повседневной жизни редко кто из нас задается вопросом о том, действительно ли мир таков, каким он нам представляется. Но Max философ и он ставит этот вопрос. – «Назовем покуда, - пишет он, - совокупность всего существующего непосредственно в пространстве для **всех** именем **физического** и непосредственно данное только **одному**, а для всех других существующее только как результат умозаключений по аналогии – именем **психического**».³⁷ Итак, то, что существует для всех, есть физическое; то, что существует только для меня, - психическое. Сейчас вместо слова «физическое» сказали бы «интерсубъективное» или даже «объективное», а вместо слова «психическое» сказали бы «субъективное». Но суть дела от этого не меняется. Дома, автомобили, деревья существуют для всех, они будут физическими телами. Моя радость или моя боль существуют только для меня, это будут психические, субъективные явления.

Далее Max обращается к анализу «физического»: «Все **физическое**, находимое мною, я могу разложить на **элементы**, в **настоящее время** дальнейшим образом неразложимые: цвета, тоны, давления, теплоту, запахи, пространства, времена и т.п. Эти элементы оказываются в зависимости от условий, лежащих вне и внутри U [тела]. Постольку, и только постольку, поскольку эти элементы зависят от условий, лежащих внутри U, мы называем их также **ощущениями**».³⁸ Max оставляет в стороне эмоции, переживания, мечты как принадлежащие только одному субъекту, т.е. оставляет в стороне психическое в его понимании, и анализирует физическое как достояние всех. То, что существует для всех, Max разлагает на элементы – его знаменитые «элементы мира» - и рассматривает эти элементы как нерасторжимое единство внешнего и внутреннего. Внешнее – это то, что обусловлено окружающим миром, внутреннее – зависит от работы наших

³⁵ Грегори Р. Разумный глаз. М., 1972, с. 9.

³⁶ Max Э. Познание и заблуждение. М., 2003, с. 39.

³⁷ Там же, с. 39 – 40.

³⁸ Там же, с. 42.

органов чувств и, по-видимому, мышления. За неимением лучшего термина Max называет свои элементы ощущениями. Поскольку органы чувств у всех людей устроены и действуют одинаково, поскольку внешний мир действует на эти органы чувств тоже одинаково для всех людей, то элементы мира оказываются общим достоянием всех. А поскольку объекты окружающего мира построены из общих для всех нас элементов, поскольку и они существует для нас всех.

К сожалению, слово «ощущения», использованное Maxом для обозначения его элементов, привело к ошибочному пониманию его концепции. В.И.Ленин в своей известной работе «Материализм и эмпириокритицизм» истолковал элементы Maxa только как психические феномены, решил, что Max строит объекты внешнего мира из субъективных переживаний, и обвинил его в субъективном идеализме. (**И ПРАВИЛЬНО СДЕЛАЛ.**) Позднее логические позитивисты, считавшие себя в некотором смысле последователями Maxa, также разорвали связь между физическим и психическим, на которой настаивал Max, и сохранили лишь чувственные переживания. О внешнем мире, о физическом они отказались говорить, рассматривая вопрос о физической стороне элементов мира как метафизическую псевдопроблему. Возможно, этих недоразумений можно было бы избежать, если бы Max ограничился одним словом «элемент», рассматривая его как сплав физического и психического. Ведь он с самого начала отодвинул в сторону чисто психические, индивидуальные, субъективные феномены и занялся анализом физического как существующего для всех. Во всяком элементе имеется независимая от субъекта сторона – вот чего не заметили критики Maxa.

Итак, элементы представляют собой сплав внешнего и внутреннего, объективного и субъективного. Max говорит о том, что «в настоящее время» эти элементы представляются неразложимыми. Мы можем теперь попытаться расщепить их и более точно сказать, что собой представляют их внешняя и внутренняя стороны. Внешнюю сторону мы можем истолковать как некое воздействие на нас окружающей среды. По-видимому, внешний мир воздействует на человека множеством разных способов: электромагнитные волны и потоки света, звуки и тяготение, тепловые и химические воздействия, давления и космические частицы – все это со всех сторон изливается на тело человека. Далеко не все эти воздействия осознаются нами – для некоторых из них у нас нет воспринимающих органов, скажем, в отличие от стрелки компаса мы не воспринимаем магнитного поля, другие должны обладать определенной интенсивностью, чтобы преодолеть порог восприятия. – «В сущности, нашим органам чувств предметы доступны лишь в очень малой степени. Ведь *ощущаются не предметы как таковые*, а мимолетные зрительные формы, дуновения запахов, разобщенные тактильные формы, возникающие при легком контакте объекта с кожей руки, а иногда – болевые уколы, оставляющие при слишком тесном соприкосновении с предметом вещественный след – царапину. Нашим ощущениям непосредственно доступна лишь малая часть важных

свойств объектов» (курсив мой – А.Н.).³⁹ Мы не воспринимаем инфракрасных и ультрафиолетовых лучей света, ультразвуковых волн, электромагнитных полей, бесчисленных оттенков цветов и т.д.

Некоторые из внешних воздействий фиксируются нашими органами чувств и осознаются нами в виде ощущений и восприятий. Наше восприятие есть интерпретация внешних воздействий – интерпретация посредством органов чувств и сознания. Теперь мы могли бы сказать, что элементы Маха расщепляются на объективное – внешнее воздействие – и субъективное – нашу интерпретацию этого воздействия. Элемент Маха, или ощущение, как он его называет, не есть нечто субъективное, как это ошибочно истолковывали, ибо в нем присутствует объективный внешний компонент – воздействие. Мы говорим об *интерпретации*, ибо интерпретация всегда предполагает то, что интерпретируется. Сама интерпретация, конечно, субъективна, она определяется особенностями нашей чувственности и сознания. Но с ней всегда соединен внешний компонент – само внешнее воздействие, которое зависит уже не от нас, а от окружающего мира. В процессе интерпретации мы создаем некоторые чувственные образы, но это не образы самих предметов, а образы их воздействия на нас.

III.2. Предметы

В создании чувственного образа⁴⁰ принимают участие не только внешнее воздействие и его чувственная интерпретация, но также воображение и память. Воображение дополняет чувственный образ известными связями, сторонами, которые в данный момент не воспринимаются. Например, глядя на три точки на листе бумаги, мы невольно соединяем их линиями и получаем образ треугольника. Память вносит в чувственный образ те черты, которые были присущи ему при восприятии данного объекта в иных ситуациях. Скажем, когда я сейчас смотрю на кусок сахара, то непосредственно воспринимаю только одну из его сторон, но память дополняет этот образ плоской белой поверхности, придавая этому образу объем, твердость и остроту ребер, сладкий вкус и т.д. Поэтому я вижу не плоскую поверхность, а именно кубик сахара. – «Получая тончайшие намеки на природу окружающих объектов, мы опознаем эти объекты и действуем, но не столько в соответствии с тем, что непосредственно ощущаем, сколько в согласии с тем, *о чем мы догадываемся*. Человек кладет книгу не на «темно-коричневое пятно», он кладет ее на стол. Догадка преобразует темно-коричневое пятно, ощущаемое глазами, или твердый край, ощущаемый пальцами, в стол – нечто более значащее, чем любое пятно или край».⁴¹ Это похоже на ситуацию, когда мы входим в темную комнату и начинаем в темноте натыкаться на

³⁹ Там же, с. 39.

⁴⁰ Я сохраняю этот термин, чтобы не изобретать новых словечек, однако следует иметь в виду, что в данном случае слово «образ» обозначает не образ (отображение) вещи, а интерпретацию воздействия на нас внешнего мира.

⁴¹ Грегори Р. Там же, с. 9 – 10.

разнообразные предметы. Ощупывая их, мы достаточно быстро узнаем – вот это стул, а это – шкаф, диван и т.д.

Важнейшую роль в формировании картины внешнего мира играет язык. Соединяя с ощущением и восприятием слово, мы обобщаем этот образ и вносим в него тот смысл, который связан со словом. В соответствии с грамматическими категориями языка – существительным, прилагательным, глаголом – мы интерпретируем внешние воздействия, создавая в своем сознании образы предметов, их свойств или процессов. Именно слово оказывает решающее влияние на то, что мы видим.⁴² В частности, об этом свидетельствуют так называемые «переворачивающиеся» изображения: «утка – кролик», «фигура Маха» и т.п. В хаосе переплетающихся линий и пятен мы можем увидеть то утку, то кролика, то молодую девушку, то безобразную старуху, то корешок книги, то ее разворот – в зависимости от того, какое слово мы соединяем с чувственным образом. Соединяя с темно-коричневым пятном слово «стол», я придаю этому пятну смысл: «быть твердым устойчивым предметом», «быть элементом мебели», «выполнять определенные функции» и т.д. Именно благодаря языку мы интерпретируем внешние воздействия как столы, стулья, деревья, дома и т.п.

Окружающие нас предметы, события, явления *осмыслены*. Когда я, перевалив через гору, вижу спускающиеся к морю разноцветные пятна среди зелени, я понимаю, что это крыши домов, в которых живут люди, что это приморский городок, где можно отдохнуть, и т.д. Я вкладываю смысл в чувственно воспринимаемую картину и этот смысл придает чувственному восприятию язык. Я стою перед текущей водой и говорю: «Это река». Тем самым я получаю объект, который существует сам по себе, имеет исток и куда-то впадает, в котором может водиться рыба, в котором можно плавать и т.д. По-видимому, ошибочно полагать, будто существуют предметы, а слова служат лишь их обозначением. Слово конструирует объект, интерпретируя чувственные впечатления определенным образом, объективирует его, придавая ему статус самостоятельно, вне нас существующего объекта, обладающего какими-то свойствами. А нам представляется, что слово служит лишь для обозначения объекта. Но обозначение – это вторичная, производная функция конструирования объекта.

В ч.II мы пытались показать, что знание воплощается (конденсируется) в смысле наших слов. Соединяя слово с чувственным образом, мы придаем этому образу смысл, заключенный в слове, и получаем осмысленный объект. Но смысл слова – это и есть знание, следовательно, соединяя с чувственным образом слово, мы вносим в этот образ наше знание. Знание – вот то, что превращает чувственные образы во внешние предметы.

Теперь мы можем сказать, что такое предмет. *Предмет есть результат интерпретации воздействий на нас внешнего мира с помощью органов чувств и знаний, воплощенных в смысле языковых выражений.* Предполагать,

⁴² О влиянии языка на чувственное восприятие написано слишком много, чтобы останавливаться здесь на этом. Достаточно указать хотя бы на «гипотезу лингвистической относительности» Э.Сепира и Б.Уорфа и ее обсуждение в лингвистике и психологии.

будто вне и независимо от нас существуют предметы с многообразными – известными и неизвестными нам – свойствами и наше знание лишь с той или иной степенью полноты и точности отображает или описывает эти предметы, по-детски наивно. Мы имеем дело лишь с многообразными воздействиями на нас внешнего мира. Интерпретируя эти воздействия посредством нашей чувственности и знания, мы конструируем предметы. Эти предметы не принадлежат внешнему миру, но они и не являются целиком созданиями нашей чувственности и знания. Напрасно Маха обвиняли в субъективном идеализме. В предметах содержится объективный, не зависящий от субъекта компонент – внешнее воздействие, которое ставит границы возможным интерпретациям. Скажем, в переплетении линий один человек видит молодую девушку, другой – безобразную старуху. Они конструируют разные предметы. Однако вещественная (объективная) основа у этих предметов общая – одно и то же переплетение линий. И эта основа ограничивает разброс интерпретаций и возможности конструирования разных предметов. Вы можете сконструировать девушку, старуху, может быть, что-то еще, но нельзя интерпретировать эти линии как зеленый лист или красную розу. Для этого нет необходимого внешнего воздействия.

III.3. Картины мира

Интерпретируя внешние воздействия с помощью органов чувств и знания, воплощенного в языке, мы создаем предметы и получаем некую картину мира – ту картину, с описания которой Мах и Грегори начинают свои рассуждения. Эта картина складывается из предметов, их свойств, отношений между предметами, связей между ними и т.п. Ее можно назвать картиной мира повседневного языка или здравого смысла. Это тот мир, в котором мы живем, который сформирован внешними воздействиями, нашей чувственностью и языком. Известный американский психолог Дж.Гибсон называет этот мир «окружающим миром» и полагает, что каждое животное живет в своем «окружающем мире»: «Животные и человек воспринимают окружающий их мир. Окружающий мир отличается от мира физического, т.е. от того мира, каким его описывают физики. Наблюдатель и его окружающий мир взаимно дополняют друг друга. В таком же отношении (взаимодополнительности) со своим общим окружающим миром находится и совокупность наблюдателей».⁴³ Биологи говорят об «экологической нише», которую занимают те или иные виды животных, Гибсон говорит об «окружающем мире» - своем для каждого вида животных. Мы можем сопоставить этому мир повседневного языка, который создается человеком и внешним миром, который и является миром жизнедеятельности человека.

Отдельные науки, формируя свою онтологию, дополняют, уточняют, объясняют, а иногда и корректируют картину мира здравого смысла. Здравый смысл говорит мне, что Земля плоская и антиподов не существует. География утверждает и доказывает, что Земля представляет собой шар и в Южном

⁴³ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988, с. 42.

полушарии люди живут точно так же, как в Северном. В повседневном мире все движущиеся тела когда-нибудь останавливаются, если прекращается воздействие силы. Механика же говорит нам, что возможно движение и без приложения силы – по инерции (первый закон Ньютона). У нас нет органов чувств для восприятия магнитного поля, но физика говорит о его существовании и о магнитном поле Земли. Для меня Млечный путь – туманная белая полоса, протянувшаяся через все ночное небо, астрономия же говорит мне, что это колоссальное скопление звезд, в которое входит и наше Солнце. Наука создает свою – научную – картину мира, которая во многих отношениях весьма существенно отличается от картины мира здравого смысла. И если картина мира здравого смысла строится с помощью знаний, воплощенных в смысле слов повседневного языка, то научная картина мира создается с помощью научных знаний, воплощенных в понятиях и утверждениях научных теорий.

Может показаться несколько удивительным то обстоятельство, что в сознании современного человека одновременно совмещаются и обыденная, и научная картины мира. Зачем нам вообще нужна какая-то картина мира? – Чтобы ориентироваться в своем окружении, чтобы жить и действовать в нем. И для разных видов деятельности мы используем то повседневную, то научную онтологию. Когда я занят сельским трудом, я ориентируюсь на восходы и заходы Солнца, на смену времен года, мне известно, что летом дни длиннее, а ночи – короче, и мне нет никакого дела до того, что Земля вращается вокруг своей оси и мчится по эллиптической орбите вокруг Солнца. Однако когда мы запускаем космический корабль на Марс или Венеру, мы руководствуемся астрономической картиной мира. В сознании современного человека сосуществуют не только картина мира здравого смысла и научная картина мира, у многих к ним присоединяется еще и религиозная картина мира. Немало людей даже среди ученых, которые искренне верят в Бога, следовательно, принимают то, что говорит о мире, о жизни и смерти религия. Человеческое сознание не похоже на стройную, последовательную систему понятий и утверждений. Оно включает в себя разные, порой логически несовместимые понятия и принципы. Взятое в целом, оно противоречиво. Однако в каждой конкретной ситуации, в каждом конкретном виде деятельности человек руководствуется какой-то одной онтологией, поэтому противоречивость сознания не мешает ему жить и действовать.

III.4. Картины мира и внешний мир

Здесь перед нами встает важнейший эпистемологический вопрос: похож ли мир нашего здравого смысла или мир науки на внешнюю, существующую «саму по себе» реальность? Существуют ли «объективно» столы, деревья, горы или электроны? Так называемый «наивный» реализм склонен отождествлять онтологию здравого смысла или научных теорий с самим внешним миром. Тождества, конечно, нет (это показали еще английские эмпирики), но, может быть, можно говорить о сходстве?

По-видимому, невозможно отказаться от той идеи, что создаваемые нами онтологические картины похожи на реальность, невозможно отказаться от реализма и считать, что наше представление о реальности не имеет с ней ничего общего. Было бы трудно жить и действовать, считая, в то же время, что мы ничего не знаем об окружающем мире. Поэтому естественная установка здравого смысла и науки состоит в признании того, что наши представления о мире если и не тождественны, то, по крайней мере, похожи на сам мир. Поэтому можно говорить об *образах* предметов, о *картинах* мира и т.п., имея в виду сходство наших представлений о вещах с самими реальными вещами. Но здесь, как мне представляется, требуется внести одно существенное дополнение.

Когда говорят о том, что наши представления о мире похожи на сам мир, о том, что деревья и дома реально существуют, то нужно спросить: с чьей точки зрения? *Для кого похожи или для кого существуют?* По-видимому, нельзя просто говорить о сходстве или различии, о существовании или несуществовании, не указывая субъекта, оценивающего это сходство или существование. Для одного человека малиновый и кирпичный оттенки красного цвета будут похожими; другой человек скажет, что они совершенно различны. Кто-то может усмотреть сходство стрелы подъемного крана с изогнутой лебединой шеей или считать болото предметом, но с ним далеко не все согласятся. Нет сходства самого по себе, реального или объективного сходства. Поэтому когда мы спрашиваем: «Похож ли мир здравого смысла или науки на внешнюю реальность?», мы должны уточнить – для кого? Кто устанавливает это сходство?

Если речь идет о человеке, то мы с уверенностью можем ответить: да, конечно, похож, об этом свидетельствует вся история человечества, наша повседневная деятельность и успехи науки. Для человека – его чувственности и разума – мир именно таков, каким мы его представляем. Для человека дома, деревья и стулья существуют, существуют планеты, атомы и биологические виды. Здравый смысл и наука дают нам приблизительно верную картину мира. Но мир муравья, пчелы или дельфина совсем не таков, хотя эти миры также похожи на внешнюю реальность. Однако они не похожи на мир человека. Ну, и что же? Реальность дает материал для построения мира, в котором живем мы; пчела живет в своем мире. Она не смогла бы жить в нашем мире, но и человек не смог бы жить в мире пчелы. И поскольку внешняя реальность дает возможность жить и муравью, и пчеле, и человеку, постольку жизненные миры всех этих существ можно считать срезами, аспектами реального мира. Что изображено на рисунке – утка или кролик? Можно считать, что утка, и жить в мире уток. Можно считать, что кролик, и жить с кроликами. Но обе интерпретации согласуются с тем материалом, который дает нам рисунок, и в этом смысле обе они верны или, если угодно, «похожи» на этот рисунок. Скажем, для нас существует дерево как отдельный предмет, а для муравья то же самое дерево оказывается чем-то необозримым и неопределенным. Но и дерево человека, и громадное нечто муравья в равной мере существуют – только одно для нас, а другое – для

муравья, и оба существуют объективно – как срезы, как проекции чего-то внешнего по отношению к нам и к муравью.

Можно сказать, что в этом смысле верны и картина мира здравого смысла, и картина мира науки, и муравья, и пчелы. Как мы уже отмечали, картина мира здравого смысла представляет собой интерпретацию внешних воздействий посредством органов чувств и нашего знания, содержащегося в повседневном языке. Обычно мы отождествляем эту картину с самим внешним миром и считаем, что столы, стулья, деревья, горы, реки, облака со всеми их чувственно воспринимаемыми свойствами существуют реально – вне и независимо от человека и даже человечества. Но реальны не сами предметы нашей онтологии, а лишь воздействия на нас окружающего мира – те воздействия, которые мы наполняем смыслом и интерпретируем как предметы. То, что представляется здравому смыслу твердым устойчивым предметом – столом, скажем, или домом, в онтологической картине квантовой механики будет расплывчатым облаком элементарных частиц. И то, и другое представления будут верными – это разные интерпретации внешних воздействий. Приблизительно ту же мысль выразил когда-то Поппер: «...Все эти миры, включая и наш обычный мир, мы должны считать равно реальными мирами, или, может быть, лучше сказать, равно реальными аспектами или уровнями реального мира. (Глядя через микроскоп и переходя ко все большему увеличению, мы можем увидеть различные, полностью отличающиеся друг от друга аспекты или уровни одной и той же вещи – все в одинаковой степени реальные.) Поэтому ошибочно говорить, что мое фортепьяно, насколько я его знаю, является реальным, в то время как предполагаемые молекулы и атомы, из которых оно состоит, являются лишь «логическими конструкциями» (или чем-то столь же нереальным). Точно так же ошибочно говорить, будто атомная теория показывает, что фортепьяно моего повседневного мира является лишь видимостью».⁴⁴

Для понимания природы онтологических картин, создаваемых повседневным и научным языками, может быть полезна аналогия с географической картой. На обычной географической карте мы видим какие-то кружочки (города и поселки), желтые ленточки (дороги), голубые ветвящиеся полосочки (реки), темно-зеленые, синие, желтые пятна (леса, моря, пустыни) и т.п. Карта – это не портрет местности, нельзя сказать, что карта «похожа» на местность так, как реалистический живописный портрет похож на оригинал. Тем не менее, она помогает нам ориентироваться на этой местности, помогает нам выбирать путь и достигать цели. В той мере, в которой различия значков и пятен на карте воспроизводят различия объектов на местности, ее можно рассматривать как образ этой местности, как ее отображение. Но существуют и топографические, геологические, синоптические карты – с другими системами обозначений, дающими иные образы той же самой местности. Наши картины мира – разные интерпретации внешних воздействий – точно так же можно рассматривать

---

⁴⁴ Поппер К. Предположения и опровержения. М., АСТ, 2004, с. 195.

как разные образы внешнего мира. Нелепо было бы отождествлять кружочек, обозначающий на карте город, с самим реальным городом или считать, что этот кружочек «похож» на реальный город. Точно так же нелепо отождествлять мой образ стола и вообще предметы моего онтологического мира с самими реальными объектами. Однако неразрывная связь онтологических картин с внешними воздействиями не позволяет им превратиться в иллюзию, совершенно оторванную от реальности. Эти картины создают образ реальности, позволяющий нам жить и действовать в мире. У существа с другими органами чувств образ, скажем, стола мог быть совершенно иным, может быть, это и не был бы образ одного предмета: это может быть образ множества объектов или вообще нечто расплывчатое и неопределенное, как облако, дождь или радуга, но для существования в мире этого существа его образ был бы адекватен. В процессе своего исторического развития человечество сформировало, сконструировало определенную интерпретацию воздействий внешнего мира, которая представлена миром здравого смысла. И эта интерпретация адекватна тем воздействиям внешнего мира, которые существенны для существования и развития человечества.

Научная картина мира также представляет собой интерпретацию воздействий внешнего мира на нашу чувственность. Но эта интерпретация осуществляется в значительной мере с помощью специальных научных понятий и инструментов и включает в себя те воздействия внешнего мира, которые недоступны нашей чувственности. – Это та же карта, хотя она является гораздо более подробной и включает в себя множество объектов и их связей, которых не замечает здравый смысл. Грубую карту здравого смысла научная картина мира оставляет на своем месте, она лишь расширяет, уточняет и объясняет ее. Научная картина оставляет здравому смыслу восходы и закаты Солнца, но объясняет их иначе: они обусловлены вращением Земли, но это вращение человек и должен воспринимать как движение Солнца по небосводу. Таким образом, если картина мира здравого смысла нужна человеку, чтобы жить и действовать в мире обыденного языка, научная картина мира нужна ему для расширения сферы его деятельности, для выхода за рамки повседневных житейских забот.

Традиционные эпистемологические концепции рассматривали знание как отображение или описание реальности. Но, быть может, гораздо более важной функцией знания является функция конструирования нашего жизненного мира: знание служит средством интерпретации внешних воздействий, создающей определенную онтологическую картину. Знание создает объекты онтологической картины и вместе с тем описывает их.⁴⁵ Это несколько напоминает «третий мир» Поппера, но если мир объективного

⁴⁵ Соотношение конструирования и познания подробно рассмотрено в книге: Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. Отв. ред. акад. РАН В.А.Лекторский. М., Канон+, 2009. К сожалению, я слишком поздно познакомился с этой книгой. Мне чрезвычайно близка позиция, которую В.А.Лекторский называет «конструктивным реализмом». Конструирование разных онтологий в истории науки и их взаимоотношения с онтологией здравого смысла и повседневного опыта подробно рассмотрено в статье В.С.Степина «Конструктивизм и проблема научных онтологий». Поэтому я не буду здесь останавливаться на этих вопросах.

знания включал в себя проблемы и решения, то мир здравого смысла и науки состоит из предметов и их связей.

III.5. Субъективная картина мира

Выше мы говорили о том, что знания индивида проявляют себя как его диспозиции к определенному поведению в конкретных ситуациях. Обсуждая природу диспозиционных свойств, Бела Юхос в свое время предложил рассматривать их как обусловленные внутренним строением предметов: растворимость сахара в воде, например, обусловлена его молекулярно-химическим строением. Аналогично этому мы могли бы теперь сказать, что диспозиции индивида к определенному поведению и действию обусловлены той индивидуальной картиной внешнего мира, которую он создает с помощью знания.

Усваивая родной язык, ребенок вместе с тем усваивает знания, содержащиеся в его понятиях. Соединяя эти знания с чувственными впечатлениями, он приобретает способность интерпретировать внешние воздействия в виде образов предметов и постепенно создает ту онтологическую модель, в которой живет и действует. Язык и воплощенные в нем знания являются общим достоянием всех членов общества, поэтому создаваемые онтологические картины будут у разных людей приблизительно одинаковыми. Это – «физическое», как говорил Мах, существующее для всех. В дальнейшем овладение разнообразными профессиональными языками добавляет к миру здравого смысла новые онтологические элементы и уточняет, углубляет первоначальную онтологию обыденного языка. Здесь нет ничего нового по сравнению со сказанным выше.

Новый элемент появляется в связи с тем, что в индивидуальной картине мира появляется центр – сознание собственного «я». Индивид строит свой мир вокруг себя и для себя – для своей жизни и деятельности. В отношении знания жизненные миры разных индивидов похожи, одинаковы. Конечно, они имеют индивидуальные вариации благодаря тому, что разные люди овладевают знаниями из разных областей и усваивают их с разной степенью глубины и точности. Жизненные миры продавца в магазине, морского офицера, электротехника, археолога будут слегка отличаться друг от друга, но эти различия не мешают взаимопониманию и совместной деятельности. Существенные различия возникают, когда мы покидаем сферу знания.

Мы определенным образом относимся к окружающим нас вещам и оцениваем их с точки зрения собственных специфических интересов. И эти отношения и оценки придают вещам окружающего мира эмоциональную окраску. Одни вещи нравятся нам, вызывают интерес и желание, другие – внушают страх или отвращение, третья – безразличны. Наши вкусы и предпочтения индивидуальны, поэтому жизненный мир каждого человека имеет свою особую эмоциональную окраску. В языке это также находит свое выражение в «личностном» смысле, который каждый индивид присоединяет к общекультурному смыслу используемых слов. Скажем, под «березой» все мы подразумеваем примерно одно и то же: лиственное дерево с белым

стволом, растущее в средних широтах. Но тот, кто вынужден заготавливать дрова на зиму, знает, что березовые дрова хорошо и жарко горят, и, говоря о березе, будет добавлять к смыслу этого слова еще и мысль о дровах. Любители березового сока или любители париться в бане с березовым веником добавят свое. И так обстоит дело почти со всеми словами, относящимися к вещам окружающего нас мира. Здесь мы возвращаемся к концептам Ю.С.Степанова, которые «переживаются». В содержание концепта включаются отношения, вкусы, оценки индивидов, поэтому у каждого индивида они имеют специфическое содержание. Интерпретируя с их помощью внешние воздействия, конструируя предметы, индивид вносит в эти предметы и свое отношение к ним. И если с точки зрения знания жизненные миры людей одной культуры в значительной мере совпадают, эмоциональная окраска этих миров различается от человека к человеку.

Впрочем, об этом можно говорить много и долго, но это уже выходит за рамки данной статьи и обращает нас к психологии, философии сознания, феноменологии и т.п.⁴⁶

Заключение

В Предисловии к своему «Логико-философскому трактату» Людвиг Витгенштейн с присущей ему несокрушимой самоуверенностью писал: «...Истина изложенных здесь мыслей кажется мне неопровергимой и окончательной. Следовательно, я держусь того мнения, что поставленные в ней проблемы по существу решены окончательно».⁴⁷ Эта категоричность дилетанта у философа может вызвать лишь улыбку. В философии едва ли можно надеяться найти какие-то окончательные решения, самое большое, на что можно надеяться, - это высказать какой-то новый взгляд на известные проблемы или обратить внимание на связь между известными идеями. В любой философской конструкции со временем обнаруживаются пробелы, неясности, даже противоречия. Главное – чтобы она не выглядела абсурдной с первого взгляда и казалась заслуживающей критического анализа. Надеюсь, представленный выше очерк дает какой-то материал для критики.

К сожалению, многие чрезвычайно важные проблемы я вынужден был оставить в стороне, в частности, фундаментальную проблему истины, проблему культурной относительности знания, вопрос о возможности кросскультурного знания, четкое разграничение знания, мнения, веры и т.п. Однако статья уже получилась до неприличия большой. Возможная критика, я надеюсь, даст мне возможность развить высказанную здесь точку зрения для освещения этих и иных философских проблем.

⁴⁶ О структуре «субъективной реальности» см.: Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002. По-видимому, к этому близко подходит и понятие «жизненного мира» Э.Гуссерля. В частности, Н.М.Смирнова пишет: «Какой бы аспект жизненного мира мы ни затронули, в любом из них это мир, проживаемый человеком. Проживаемый – значит наделенный значением, осмыслиенный». – Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М., 2009, с. 304.

⁴⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., Канон+, 2008, с. 34.